

© 2011 г.

Михаил Горшков

член-корреспондент РАН

доктор философских наук, профессор

директор Института социологии РАН

(e-mail: isras@isras.ru)

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИИ: К ИТОГАМ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ РЕФОРМ

Статья основана на результатах общероссийского социологического исследования: «Двадцать лет реформ глазами россиян» (опыт многолетних социологических замеров). Исследование было проведено Институтом социологии РАН по репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения.

Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сёл.

Вместе с тем эмпирической базой настоящего исследования послужили также результаты исследования, проведённого ИС РАН в 2001 г. «Новая Россия: десять лет реформ». Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели выборки с использованием ряда однотипных вопросов (показателей), автор в настоящей статье проводит сопоставительный анализ, раскрывающий не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ.

Ключевые слова: массовое сознание, реформы, динамика, социальная напряженность, «ельцинские» реформы, «путинская» стабильность.

Роль массового сознания в формировании вектора развития российского общества уже в ближайшие годы, очевидно, будет возрастать. Несмотря на сохраняющийся до сих пор консерватизм политической системы страны, весьма вероятно, что будет усиливаться влияние массовых слоев общества на политическую практику. Вследствие этого политической системе, видимо, предстоит эволюционировать по пути постепенного разблокирования обратных связей, большего реагирования на динамику общественных настроений. Становится неизбежным осознание обществом неприемлемости нынешних масштабов социальной несправедливости, признание истеблишментом невозможности концентрации власти преимущественно на приоритетном удовлетворении интересов элитных слоев общества.

Качество политической системы, ее способность быть механизмом общественного прогресса и, следовательно, ее жизнеспособность будут во многом зависеть от того, сможет ли она не только выражать многообразие интересов различных социальных групп, не только обеспечивать возможность как совпадения этих интересов, так и их конкуренции в приемлемых для общества формах, но и способствовать укреплению позиций тех политических сил, которые способны служить оздоровлению российского общества, модернизации России.

Для достижения этой жизненно важной для нашей страны цели важно иметь адекватное представление о состоянии массового сознания, о сложившихся массовых мнениях, которые во многом определяют общественные позиции людей, направленность их социальной активности, степень гармонизации или конфликтности общественных отношений, наконец, степень поддержки населением государственной власти или недоверия и сопротивления ей.

Массовое сознание российского населения сегодня – это прежде всего результат накопленного обществом социального опыта эпохи социализма и особенно периода 90-х годов, следствие оценки людьми эволюции общества в нулевые годы, выражение ожиданий на ближайшую перспективу и более отдаленные периоды. При этом очевидно, что восприятие людьми прежнего социального опыта со временем меняется. Так, под влиянием трудностей 90-х годов острота восприятия негативных аспектов социалистического опыта зачастую снижается, а его позитивные аспекты нередко представляются части населения более значимыми. Это сильно затрудняет дальнейшее проведение необходимых реформ. Но меняется и оценка многими слоями общества итогов нулевых годов, особенно с точки зрения того, в какой мере они заложили базу дальнейшего успешного развития, а в какой мере законсервировали накапливающиеся пороки общественной системы.

Следует оговорить, что численно выраженному анализу более доступно массовое сознание, чем сознание элитных слоев общества. Тем не менее очевидно, что сознание элитных слоев демонстрирует, как правило, большую приверженность нынешней общественной системе, оно более эгоцентрично и прагматично. Их сознание непосредственно формирует государственную политику, однако это не означает второстепенной роли массового сознания. В конечном счете именно массовое сознание создает условия как для стабильности системы, так и для ее преодоления. Не исключено, что на предстоящих этапах общественного развития произойдет изменение характера воздействия массового сознания в направлении активизации усилий по оздоровлению общества.

Институт социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта (ФРГ) в Российской Федерации систематически проводит опросы населения по различным проблемам развития России, что позволяет анализировать состояние общественного мнения и тенденции его изменения. В апреле 2011 г. Институт социологии РАН провёл общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян». По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге, было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция (учёные, преподаватели вузов, учителя школ, училищ); работники торговли, сферы бытовых услуг, транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сёл и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные. Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сёл.

Появилась возможность сравнить нынешнюю ситуацию с ситуацией 2001 года, когда Институтом социологии РАН было проведено исследование «Новая Россия: десять лет реформ». Поскольку исследования осуществлялись по однотипной модели выборки с использованием ряда однотипных вопросов (показателей), то имелась возможность проведения сопоставительного анализа, раскрывающего не только нынешнее состояние массового сознания, но и тенденции его развития, особенности проявления на различных этапах реформ. Речь идёт о двух периодах в жизни страны: 90-х гг. и 2000-х гг.

На основе опроса 2011 года был подготовлен аналитический доклад «20 лет реформ глазами россиян». В нем были проанализированы отношение российского общества к преобразованиям последнего двадцатилетия, изменение социально-психологического состояния населения страны, вектор динамики удовлетворения потребности россиян, трансформация рынка труда, сдвиги в социальном статусе россиян и характер мобильности населения. Большое внимание уделено ценностным и идейно-политическим установкам россиян, их морально-нравственным ориентациям. Рассмотрено переосмысление в массовом сознании роли демократических институтов и ценностей. Выявлены взгляды россиян на межэтнические отношения в стране и на окружающий мир и место России в нем. Наконец, обобщены оценки россиянами перспектив развития страны.

Как показал проведенный опрос, в иерархии значимых достижений реформ лидирующие позиции занимают насыщение рынка товарами (52% опрошенных), свобода выезда за рубеж (32%), возможность зарабатывать

без ограничений (25%), прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе (24%). В то же время значительно меньше опрошенных отметили среди позитивных сдвигов такие фундаментальные изменения в жизни страны, как свобода слова и мысли (17%), многопартийность, свободные выборы (15%), легализация частной собственности (11%).

Представляет интерес сопоставление того, как люди оценивают результаты реформ с точки зрения блага для общества и с точки зрения интересов самих респондентов и таких людей, как они. Практически по всем показателям опрос фиксирует такую ситуацию: люди отмечают, что положительное влияние реформ на развитие общества в целом больше, чем для респондентов лично. Полагаю, что именно такая «личностная» оценка реформ более точно отражает отношение населения к ним. Видимо, значительная часть населения, испытывая существенные ограничения в самореализации и ощущая снижение жизненного уровня либо его лишь небольшой рост на фоне наглядного повышения благосостояния других слоев населения, уже не видят каких-то глобальных позитивных изменений в результате реформ и даже отрицают их значимость вообще. Многие свидетельствуют о том, что россияне ожидали гораздо большего, нежели то, что получили в действительности. Сказывается и постепенное привыкание россиян ко многим позитивным явлениям последнего десятилетия, которые постепенно становятся частью обыденной жизни. Например, насыщенность рынка товарами становится неотъемлемой частью повседневности, а воспоминания о дефиците уходят в прошлое. Безусловно, россияне, выигравшие от реформ, придерживаются иного мнения. Они не только много зарабатывают, но и много путешествуют, и в целом ведут яркую, насыщенную жизнь.

Благодаря регулярному проведению Институтом социологии РАН аналогичных опросов, стало возможным выявить динамику общественных настроений за последнее десятилетие (см. рис. 1).

Резко сократилось число тех, кто к бесспорным завоеваниям реформ 90-х относит такие фундаментальные слагаемые демократии, как свобода слова и мысли, многопартийность, свободные выборы. Если в 2001 г. свобода слова занимала второе место в перечне достижений реформ, то к 2011 г. — переместилось на шестую позицию. Если десять лет назад главными достижениями реформ россияне называли свободу слова и мысли, развитие частной собственности, свободу выезда за рубеж, то сегодня этот перечень возглавляют (помимо свободы выезда за рубеж) насыщение рынка товарами (41%), более интересная и яркая жизнь (23%), возможности для самовыражения и личной карьеры (30%). Свобода же слова и мысли в качестве несомненного достижения реформ для себя лично отошла на второй план —

сегодня о ней вспоминают лишь 15% даже тех опрошенных, которые считают себя выигравшими в ходе реформ (ровно такая же доля и в группе проигравших от реформ). Значительно сократилось и число тех, кто к успехам реформ отнёс возможность зарабатывать без ограничений. В 2001 г. отметивших эту позицию было 42%, сейчас – 28%.

Рисунок 1

Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самым большим приобретением реформ для общества в целом, за 2001–2011 гг.
(не более 3-х ответов), %

В целом можно констатировать, что одним из важных результатов реформ Ельцина – Гайдара является формирование в России «общества потребления», плодами которого сегодня пользуется уже немалое число россиян, хотя, конечно, далеко не все. Одновременно с этим исчезает прежний романтический флер вокруг реформ 90-х, одним из главных проявлений которого была связь в массовом сознании этих преобразований с обретением обществом и населением демократических прав и свобод.

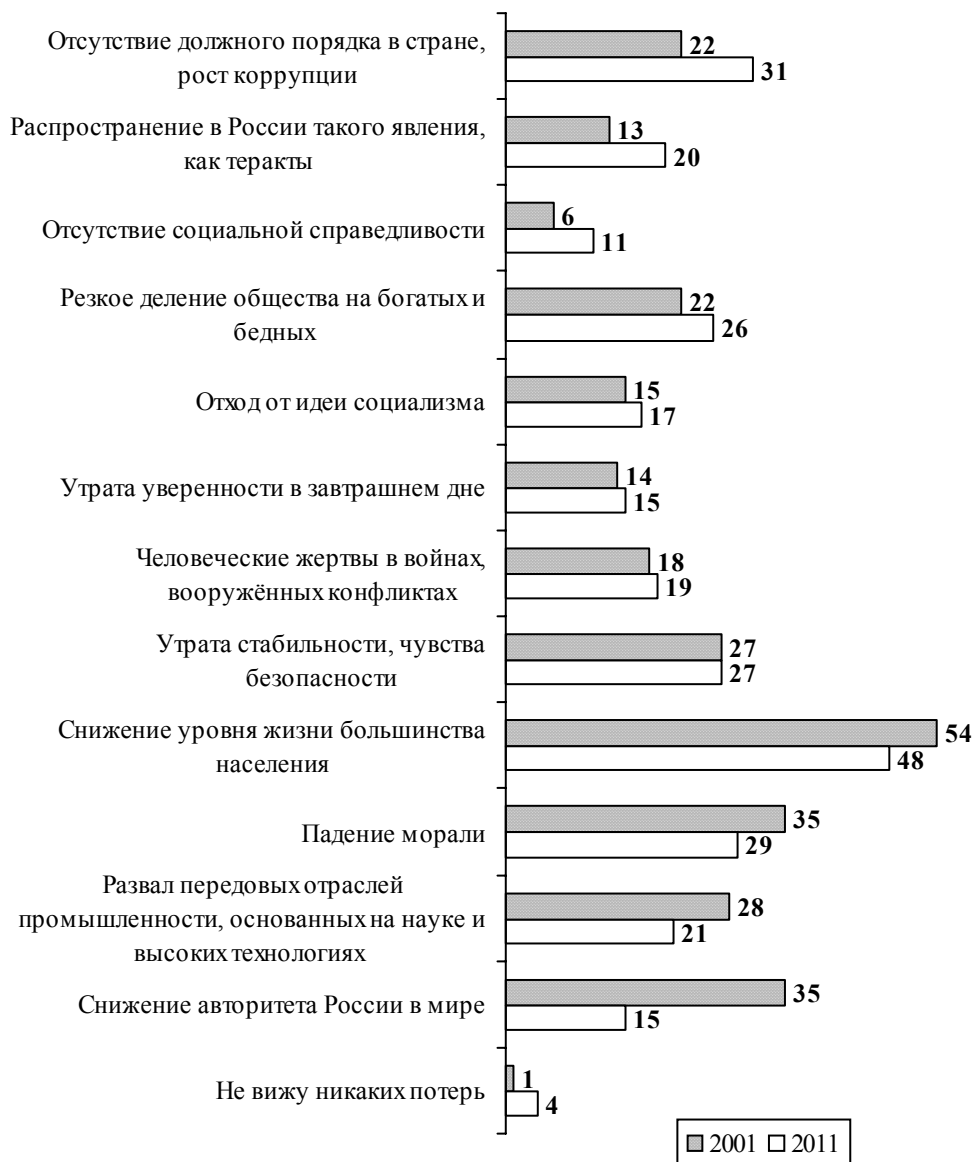
Примечательно, что список **минусов, потерь от реформ**, отмечавшихся опрошенными, заметно шире, нежели список приобретений и достижений. В перечень потерь *для себя лично* россияне включили, прежде всего, утрату уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату чувства стабильности и безопасности, резкое деление общества на богатых и бедных (25% и более), а также отсутствие социальной справедливости (23%). Несколько чаще, чем 10 лет назад, эти потери связываются в массовом сознании с утратой порядка в стране и ростом коррупции, усилением террористической угрозы, отсутствием социальной справедливости, делением общества на богатых и бедных. И хотя число россиян, включивших эти позиции в перечень наиболее значимых потерь, выросло незначительно (в пределах 4–9%), тем не менее, на эту тенденцию важно обратить внимание, поскольку она усиливает негативное прочтение россиянами реформ и их социального, экономического и политического наследия.

Но есть и позитивные сдвиги. Респонденты сегодня реже, чем 10 лет назад, включают в перечень потерь снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, развал передовых отраслей промышленности (снижение частоты упоминаний на 6–7%) и особенно снижение авторитета России в мире (снижение на 20%) (рис. 2).

Динамика оценок россиянами потерь от реформ, которые важны *лично для них*, не столь рельефна – тенденции на усиление недовольства в одних сферах и на его ослабление в других сферах здесь выражены меньше. Наиболее заметное усиление негативизма отмечается в 5-процентном росте числа опрошенных, считающих значимой лично для них потерей от реформ отсутствие социальной справедливости. Но самое выраженное ослабление негативизма проявляется в снижении на 9% доли тех, кто в перечень потерь от реформ, актуальных лично для них, включает снижение уровня жизни большинства населения.

Рисунок 2

Динамика представлений россиян о том, что можно назвать самой большой потерей в результате реформ для общества в целом, в 2001–2011 гг. (не более 3-х ответов), %

Следует отметить, что россияне, чьи негативные последствия реформ затронули непосредственно, воспринимают основные потери, которые реформы принесли обществу, более остро, чем молодёжь. Причём

это касается оценок потерь и для общества, и для себя лично. Так, более остро представители средних и старших возрастных групп воспринимают снижение уровня жизни большинства населения, утрату стабильности, чувства безопасности, утрату уверенности в завтрашнем дне, резкое деление общества на богатых и бедных. Представители самого старшего поколения крайне негативно воспринимают также падение морали, отсутствие социальной справедливости. При этом около четверти представителей молодого поколения (23%) вообще не видят каких-либо потерь в результате реформ.

Авторы доклада пришли к выводу, что **сегодня идёт постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ – как для общества, так и для себя лично. Постепенно стихает главный лейтмотив недовольства реформами – снижение уровня жизни большинства населения, которым обществу в своё время пришлось заплатить за преобразования. На смену ему в массовом сознании приходят новые мотивы для недовольства реформами – отсутствие должного порядка в стране и рост коррупции, отсутствие социальной справедливости, резкое деление общества на богатых и бедных.**

Характерно и то, что значительное число россиян, оценивая плюсы или минусы реформ, фиксируют «сужение» возможностей социальной мобильности, личной самореализации в 2000-е гг. по сравнению с 90-ми. Действительно, в 90-е гг., по сравнению с советскими временами, появились новые возможности реализовать себя, особенно для активной части населения, в нарождающемся и ещё относительно слабо контролируемом бизнесе. Жили тогда беднее, но проблема занятости не являлась первоочередной. Кроме того, сохранялась возможность влияния на политическую жизнь в центре и на местах. Однако когда респондентам предложили сравнить два периода: 90-е и 2000-е по четырем основаниям – 1) возможности улучшить материальное благосостояние; 2) заниматься предпринимательской деятельностью; 3) профессионального роста и карьеры; 4) участия в общественной и политической жизни общества, – тогда большинство из них отдали предпочтение 2000-м.

Прежде всего это касается таких сфер жизни, как улучшение материального благополучия, возможностей профессионального роста и карьеры, занятий предпринимательской деятельностью. Как видно из данных рис. 2.5, существенно выросла доля респондентов, полагающих, что для многих россиян расширились возможности улучшения материального благополучия – с 9% в 2001 г. до 23% в 2011 г. Практически в два раза уменьшилась и доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, полагая, что такие возможности для большинства россиян сокра-

тились – с 30% до 15%. Примерно такое же соотношение наблюдается и в оценках возможностей профессионального роста и карьеры. Число тех, кто считает, что такие возможности возросли для многих людей, увеличилось с 13% в 2001 г. до 22% в 2011 г., а доля тех, кто полагает, что, напротив, возможности профессионального роста и карьеры для большинства людей сократились, снизилась на 10%.

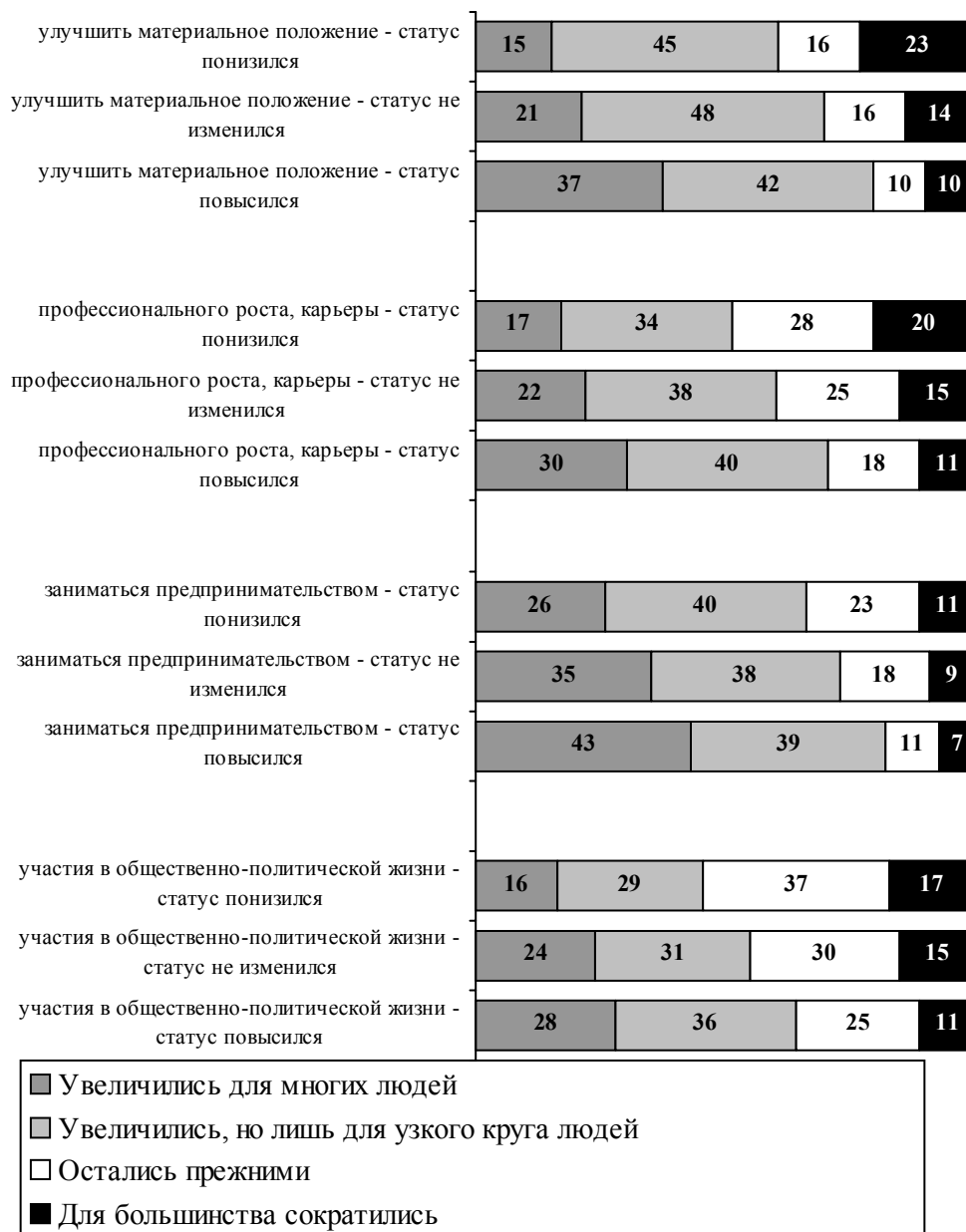
Не столь существенные, но также можно отметить позитивные сдвиги в оценках респондентами возможностей заниматься предпринимательской деятельностью. Лишь возможности участия в общественной и политической жизни, судя по оценкам респондентов, за последние десять лет практически не претерпели существенных изменений.

Однако, несмотря на заметно более позитивное восприятие населением развития страны в обозначенных сферах в 2000-е гг., следует отметить одно очень важное обстоятельство, которое если и не перечеркивает этот оптимизм, то, во всяком случае, заметно его остужает. Речь идёт о том, что **относительное большинство опрошенных, хотя и отмечают расширение тех или иных возможностей, которые россияне обрели благодаря реформам и которые получили своё дальнейшее развитие в последние два десятилетия, вместе с тем подчеркивают, что эти возможности открылись не для всех, а лишь для узкого круга людей** (см. рис. 3). Иными словами, сегодня, как и десять лет назад, для большинства россиян существуют значимые ограничения и препятствия, не позволяющие им в полной мере реализовать свой потенциал и возможности в жизненно важных областях и сферах деятельности. На «элитистский» характер российского капитализма и демократии особое внимание обращают жители мегаполисов.

В частности, они отличаются повышенным пессимизмом в оценках возможностей для большинства людей заниматься предпринимательской деятельностью и особенно участвовать в общественной и политической жизни общества. Обратим внимание, что обе эти сферы – и предпринимательство, и общественно-политическая жизнь – тесно связаны с вопросами административной регламентации. По всей видимости, именно данное обстоятельство во многом и определяет этот пессимизм. Лишь 10% ответов «возможности расширились для большинства» при 49% ответов «возможности расширились лишь для узкого круга людей» в отношении участия граждан в общественной и политической жизни – красноречивое свидетельство того, что в Москве и Санкт-Петербурге назревает кризис, создаётся база для протестных настроений людей, имеющих потребность и запрос на свободу общественно-политической деятельности, но не видящих для этого возможностей.

Рисунок 3

Сравнительные оценки респондентов с разной динамикой их социального статуса 90-х и 2000-х гг. с точки зрения возможностей для людей в различных сферах жизни, %¹

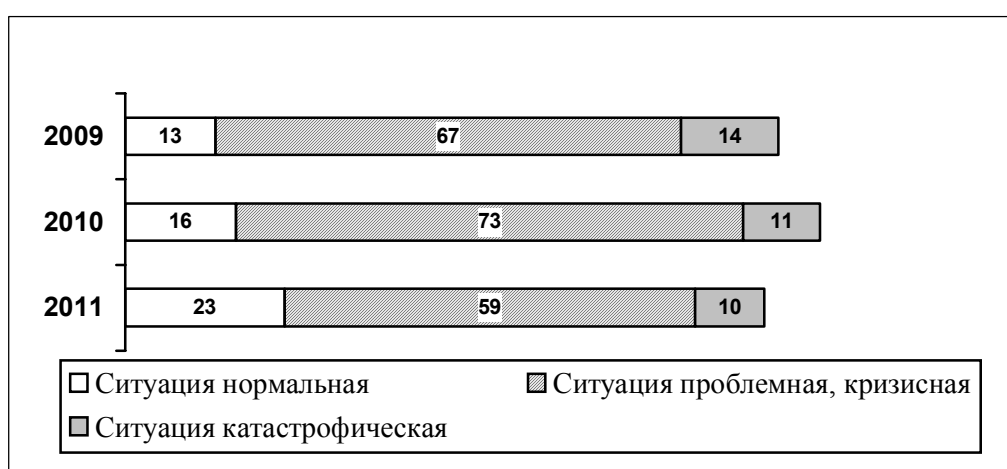

¹ Не указаны затруднившиеся с оценкой.

Эволюция социально-психологических характеристик общества.

Если посмотреть на то, как оценивают россияне ситуацию, сложившуюся сейчас в стране, и сравнить её с периодом острой фазы глобального экономического кризиса, то картина социально-психологического состояния общества выглядит постепенно возвращающейся к норме (рис. 4).

Рисунок 4

Динамика оценок ситуации в стране, 2009–2011 гг., %¹

В то же время, если сравнить эту картину с весной 2008 г., то она будет выглядеть уже не столь благополучной – тогда почти половина (44%) россиян оценили её как нормальную, и лишь 6% считали её катастрофической. Как видим, до показателей этого благополучного времени нынешние показатели оценок россиянами сложившейся в стране ситуации находятся ещё достаточно далеко.

Однако если посмотреть на более длинные временные ряды, то видно, что *сейчас население России оценивает сложившуюся в стране ситуацию на уровне вполне благополучных лет – 2003–2004 гг.*

Показатели оценки россиянами ситуации в стране как «катастрофической», постепенно нарастая в течение всех 90-х гг. и достигнув своего пика осенью 1998 г., начали затем постепенно снижаться. А с 2000 г. доля оценивавших ситуацию в стране как нормальную стала даже превышать долю тех, кто оценивал её как катастрофическую. В итоге к весне 2008 г. доля считавших ситуацию в стране катастрофической вышла на уровень

¹ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

своих минимальных значений – уже упоминавшихся 6%. Тогда же минимальное число россиян оценивали ситуацию в стране как кризисную. В итоге доля тех, кто воспринимал текущую ситуацию как нормальную, впервые за период наблюдений стала превышать долю сторонников двух других точек зрения. Однако и кризис конца 2008–2009 гг. существенно изменил эту оптимистическую картину, хотя в последние два года идёт постепенное улучшение оценок респондентами положения в стране. *при этом оценки россиянами ситуации в стране связаны в первую очередь не с их собственной жизненной ситуацией, а с тем, как они оценивают динамику экономического положения в стране, отставание России от ведущих стран мира, перспективы развития страны в ближайшие годы.* Так, например, среди тех, кто считает, что Российская Федерация, её экономика успешно развиваются, 53% полагают, что ситуация в России в настоящее время нормальная. А среди считающих, что идёт нарастание отставания России от ведущих стран мира, таковых лишь 5%, и практически треть расценивает ситуацию как катастрофическую.

Менее явно, но тем не менее совершенно отчётливо прослеживается и связь оценок ситуации в стране с видением степени демократичности сложившегося в России общества (рис. 5).

Социально-психологическое состояние россиян характеризуется **отчуждённостью значительной их части от собственной жизни, которая представляется им неуправляемой, точнее – управляемой какими-то внешними силами, и в которой они, не имея возможности рассчитывать на чью-то поддержку, являются лишь «игрушкой в руках судьбы».** Разница в условиях материального благосостояния генерирует в современном российском обществе не только различия в доступе к разного типа материальным благам, но и своего рода принадлежность к двум разным мирам – миру, где ты уверен в себе, можешь управлять своей жизнью и рассчитывать на поддержку окружающих, и миру социальной эксклюзии, для которого характерно зависимое, отчуждённое существование, без опоры на социальные сети, не только без чувства уверенности в себе, но, как правило, и без каких-то надежд на будущее.

Сегодняшняя картина распространённости положительных чувств сама по себе свидетельствует о сохраняющемся неблагоприятном социально-психологическом состоянии значительной части россиян. Вместе с тем, тенденции в этой области, если рассматривать их на длительном историческом отрезке времени, в целом положительные, хотя динамика последних лет позволяет говорить о стабилизации соответствующих показателей и завершении развития позитивных тенденций.

Рисунок 5

**Связь видения России как демократической страны
и оценок сложившейся в ней ситуации, %¹**

Однако эта стабилизация не означает, что даже испытывающие на микроуровне положительно окрашенные чувства граждане России комфортно ощущают себя в макросреде, т.е. в обществе в целом. **Чувство несправедливости всего происходящего вокруг, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто.** Учитывая роль справедливости/несправедливости в российской культуре, где она выступает своего рода каркасом национального самосознания, это очень серьезный «звонок», сигнализирующий о неблагополучии в этой области. Шире всего устойчивое чувство несправедливости происходящего было распространено среди представителей возрастных групп старше 50 и, особенно, 60 лет (55% и 66% соответственно), бедного и малообеспеченного населения (55% у тех, чей среднедушевой доход не превышает половины медианы, и 51% – у тех, кто имеет доходы не выше медианы доходов по массиву в целом, т.е. 9 000 рублей). При этом среди русских это чувство было выражено несколько слабее (46%), чем у представителей других национальностей (51%).

¹ На рисунке не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому сумма ответов менее 100%.

Наиболее интересна, однако, даже не локализация, а динамика чувства несправедливости происходящего вокруг в последние годы. Начало 2000-х гг. ознаменовалось резким сокращением доли тех, кто ощущал несправедливость происходящего вокруг часто. Однако последние годы вновь дали прирост, и весьма ощутимый, распространённости этого чувства. Кроме того, на фоне остальных негативно окрашенных чувств, чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о *сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы.*

Социально-психологическое состояние россиян характеризуется в первую очередь **чувством стыда за нынешнее состояние своей страны**. Стыд за страну в условиях её достаточно прочного внешнеполитического положения и в целом успешного и стабильного прохождения наиболее острой фазы глобального экономического кризиса последних лет связан с *отрицанием обществом сложившегося в России «порядка вещей», «правил игры» и т.п., которые представляются людям не просто несправедливыми, но и позорными.*

Рассмотрим динамику ещё двух негативно окрашенных чувств, связанных с возможностью изменить то, что не устраивает в окружающем мире, кажется в нём несправедливым и вызывает чувство стыда – мы имеем в виду чувство, что дальше так жить нельзя, и ощущение собственной беспомощности повлиять на происходящее. Доля испытывающих **чувство, что дальше так жить нельзя**, с 1995 по 2005 гг. сократилась почти вдвое, а затем вновь начала медленно расти. Одновременно шёл и зеркально обратный процесс – сначала росла, а затем начала плавно снижаться доля тех, кто не испытывал этого чувства практически никогда.

При этом за последние годы *произошли заметные изменения состава тех, кто испытывает это чувство. Если раньше его испытывали в первую очередь низкодоходные группы населения, боявшиеся дальнейшего ухудшения своего положения, то сейчас расширилось представительство в данной группе вполне благополучных слоёв*, а статистическая значимость связи чувства, что так жить нельзя, с доходом или возрастом стала просто несопоставима с ролью мировоззренческих особенностей конкретных респондентов, в частности наличием у них **устойчивого чувства несправедливости** происходящего и стыда за свою страну. Носители этого чувства сосредоточены отнюдь не в глубинке, они достаточно рав-

номерно распределены по всем типам поселений, и даже в мегаполисах их доля составляет четверть населения.

Чувство стыда за свою страну, чувство несправедливости происходящего вокруг и чувство, что дальше так жить нельзя образуют внутренне целостный, единый компонент мировоззрения значительной группы россиян. Часто испытывает все три эти чувства пятая часть всего населения. Еще 15% россиян испытывают два из этих чувств часто, а третье – хотя бы иногда. Лишь 3% их не испытывают трёх анализируемых чувств практически никогда. При этом если ещё пять лет назад наблюдалась отчётливая концентрация испытывающих соответствующие чувства людей в низкодходной группе, то сейчас они достаточно равномерно распределены по всем группам общества, выделенным с учетом их среднедушевых доходов. Это значит, что если тогда эти чувства вытекали прежде всего из недовольства своей индивидуальной ситуацией, то сейчас это следствие *несовпадения реальности с социокультурными нормами, широко распространёнными во всех слоях россиян, что также говорит об идущих процессах делегитимизации власти*. При этом в последние годы чувство стыда за свою страну довольно быстро нарастает.

Широко распространилось **чувство беспомощности, неспособности повлиять на происходящее**. Наиболее значимой из числа влияющих на распространённость этого чувства объективных характеристик выступает не столько возраст или доход, сколько состояние здоровья.

Распространено и устойчивое чувство **страха перед беспределом и разгулом преступности в стране**. Доля людей, испытывающих такой страх, только за последние три года выросла с 28% до 36%. Одновременно заметно снизилась и доля тех, кто не испытывает этот страх никогда.

В отличие от прежних лет ключевой особенностью локализации этого страха выступает его «привязка» к отдельным регионам, в том числе вполне благополучным с точки зрения официальных милицейских сводок. Так, , лидерами в его устойчивой распространённости стали Москва (где 56% испытывали его часто и лишь 9% не испытывали его практически никогда), а также Ростовская (54% и 15% соответственно) и Рязанская (46% и 15%) области. В наименьшей же степени этот страх был распространён в Новгородской (14% и 20% соответственно).

В то же время примечательно, что **потребность в изменении собственной жизни**, ощущаемая большинством россиян, касается не «жизни вообще», а именно собственной жизни. Теснее всего это желание связано с недовольством респондентов своим материальным положением и жилищными условиями. При этом россияне не очень верят в то, что остаётся потерпеть ещё немного, и жизнь наладится. Ощущение близкого улучшения жизни характеризует прежде всего тех, кто положительно оценивает

деятельность прежнего и нынешнего президентов страны В. Путина и Д. Медведева и верит в то, что они успешно справлялись и справляются с руководством страной. Таким образом, это простое проецирование доверия к руководству страны на будущее.

Однако проблема не только в относительном ухудшении социально-психологического состояния населения страны в последние годы. Такого рода длительный массовый стресс не может не вызывать роста агрессии – это естественная реакция человеческой психики на невозможность изменить неприемлемые для себя условия жизни. А это, в свою очередь, означает, что **социальная напряжённость, пока подспудно тлеющая в обществе, может внезапно выплеснуться на улицы, и при этом отнюдь не в благопристойных и институционализированных формах митингов и демонстраций (неважно – санкционированных или нет), а в виде агрессивных и насильственных действий. Угроза таких действий связана именно с социально-психологическим состоянием населения, а не с какими-либо его личными материальными интересами, которые могут сыграть роль детонатора, но не являются при этом глубинной причиной возможности такого рода выступлений.** И хотя понятно, что само по себе желание перестрелять всех взяточников и спекулянтов¹ отнюдь не означает реальной готовности к такого рода действиям, но более чем двукратный рост распространённости этой установки за последние три года уже сам по себе говорит о многом.

Никогда ещё за весь период наблюдений, даже в середине 1990-х гг., в российском обществе не было такого потенциала агрессии, как сейчас. Более того – лишь около четверти россиян остались пока не подверженными подобному чувству. При этом возможные насильственные действия скорее всего могут принять характер националистических выступлений – во всяком случае, наибольшая связь показателя наличия агрессивных чувств прослеживается с согласием респондентов с суждениями, что: 1) «люди моей национальности за последние 15–20 лет многое потеряли», 2) «все средства хороши для защиты интересов моего народа» и 3) с одобрением принудительного выселения представителей определённых национальностей из их населённого пункта.

Налицо, хотя и гораздо более слабая, чем с националистически окрашенными настроениями, связь агрессивных чувств с эмоциями, испытываемыми по отношению к людям, разбогатевшим за последние годы.

¹ Конечно, в современных условиях формулировка этого вопроса не должна была ограничиваться только взяточниками и спекулянтами. Однако изначально вопрос разрабатывался в середине 1990-х гг., и тогда он был вполне адекватен сложившимся на тот момент в общественном сознании стереотипам.

Особую опасность возможных взрывов агрессии населения придаёт то, что максимальны её показатели в Москве, где 61% респондентов часто испытывал желание «всех перестрелять» и лишь 17% вообще его не испытывали (минимальны – в Архангельской области, где эти показатели составили, соответственно, 18% и 36%).

Повседневная жизнь россиян: вектор изменений.

Социально-психологическое состояние россиян, чувства, которые они испытывают, во многом обуславливаются теми реалиями, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни, сложившимся типом социума, который представляется россиянам несправедливым и нетерпимым.

Таблица 1

**Явления и процессы в жизни страны,
вызывающие у россиян наибольшую тревогу, %**
(допускалось до 5-ти ответов,
ранжировано в порядке убывания распространённости)

Явления и процессы	% респондентов
Кризис системы ЖКХ, рост жилищно-коммунальных платежей	57
Низкий уровень жизни значительной части населения	50
Сокращение доступа к бесплатному образованию, медицинскому обеспечению	45
Коррупция, засилье бюрократии	44
Рост цен на товары и услуги	40
Рост алкоголизма, наркомании	34
Рост преступности, в том числе среди детей и подростков	30
Быстрое вымирание населения России	29
Безработица	28
Низкая гражданская и правовая культура людей, неумение бороться за свои права	24
Снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей	16
Рост нерусского населения в традиционно русских областях	14
Возможность новых терактов	14
Наличие межнациональных противоречий в обществе	9
Рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей	9
Реформирование пенсионной системы, системы льгот	7
Сохранение напряжённой ситуации в Чечне и вокруг неё	6
Ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ	4
Охлаждение отношений России с Западом	3
Затруднившиеся с ответом	2

Как показало исследование, в отличие от общего социально-психологического состояния, связанного, как и оценки россиянами текущей ситуации в стране, прежде всего с общим вектором развития России и восприятием его населением, чувство тревоги у россиян вызывают всё-таки в первую очередь процессы, связанные с их повседневной жизнью (табл. 1).

Как видно из данных табл. 1, безусловным лидером среди тревожащих россиян явлений в жизни российского общества выступает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей, непосредственно затрагивающие абсолютно всех граждан страны, имеющих постоянное место жительства. Это единственный из 20-ти пунктов списка, набравший более половины ответов. Далее довольно плотной группой идут позиции, набравшие от трети до половины голосов респондентов – низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, коррупция и засилье бюрократии, рост цен на товары и услуги и рост алкоголизма и наркомании. При этом действует та же закономерность, что и в случае с чувствами, испытываемыми россиянами – их собственная ситуация достаточно слабо (и гораздо слабее, чем несколько лет назад) влияет на их тревогу по поводу развития в стране соответствующих процессов. Так, например, низкий уровень жизни значительной части населения беспокоит и тех, чьи доходы составляют менее половины медианы доходов (среди них 53% включили этот пункт в пятёрку наиболее тревожащих их процессов), и тех, кто имеет доходы от 1,5 до 2-х медиан (43%).

Есть лишь несколько позиций, по которым среди тревог-лидеров наблюдается очень существенная межгрупповая разница. Это, прежде всего, отношение к коррупции и засилью бюрократии. Хотя, казалось бы, сильнее страдать от них должны низкодходные слои, у которых нет денег на взятки, но беспокоит коррупция в большей степени как раз благополучные слои населения. Так, среди тех, чьи доходы составляют менее половины медианы доходов, доля обеспокоенных ею равна 36%, а среди тех, кто имеет доходы от 1,5 до 2-х медиан – 54%. Та же тенденция характеризует и ситуацию с ростом алкоголизма и наркомании, где соответствующие показатели составляют 26% и 40%.

Среди других тревог россиян особого внимания заслуживают рост преступности (в наибольшей степени тревожащий низкодходные слои); быстрое вымирание населения России, в равной степени волнующее всех; и безработица, тревога по поводу которой среди работающего населения страны немного выше (29%), чем среди экономически неактивного – студентов и неработающих пенсионеров (23%).

Несколько особняком в общем ряду этих проблем стоит низкая гражданская и правовая культура людей и их неумение бороться за свои пра-

ва, вызывающие тревогу у четверти россиян. Далее с большим отрывом идут снижение морали и нравственности, падение семейных ценностей, рост нерусского населения в традиционно русских областях и возможность новых терактов, которые, несмотря на их сравнительную частоту, по сравнению с угрозами, исходящими от системы ЖКХ, оказываются на периферии сознания граждан страны. Все остальные позиции списка вызывают у россиян очень слабое беспокойство и вошли в пятёрку тревог-лидеров лишь для 4–9% всех опрошенных.

Для более глубокого понимания того, что стоит за этими цифрами, важно оценить, однако, не только их абсолютную величину, но и динамику соответствующих показателей.

Относительно одних процессов тревога россиян за последние 3 года выросла, а относительно других, напротив, несколько спала. Среди первых – коррупция и засилье бюрократии, с одной стороны, и низкая правовая культура людей, их неумение бороться за свои права, с другой. Рост тревожности по этим позициям, во многом являющимся двумя сторонами одной медали, всего за три года был практически двукратным. Менее заметно, но тоже значительно выросли показатели тревоги по поводу кризиса системы ЖКХ и роста жилищно-коммунальных платежей, низкого уровня жизни значительной части населения, а также сокращения доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению. В итоге все они, именно в результате этого роста, вышли в число лидеров среди тревожащих россиян процессов в жизни современной России.

Если же говорить не только о лидерах, а о вызывающих менее острую тревогу россиян явлениях и процессах, то это рост преступности, в том числе среди детей и подростков, и быстрое вымирание населения России.

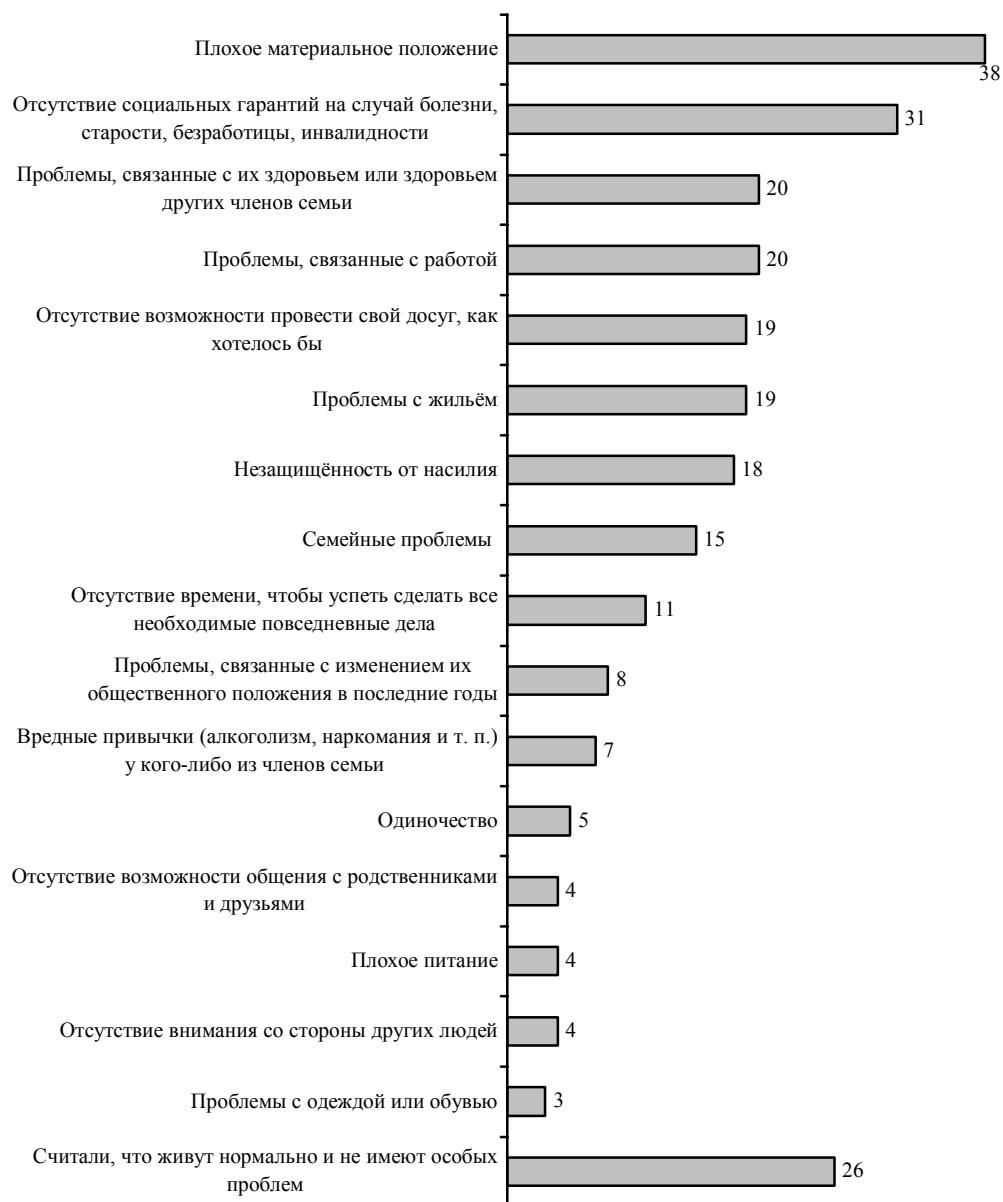
Среди проблем, которые стали за это время меньше волновать россиян, в первую очередь надо назвать рост цен на товары и услуги, рост алкоголизма и наркомании, рост числа детей-сирот, большое количество беспризорных и безнадзорных детей и охлаждение отношений России с Западом.

Таким образом, относительно меньшую значимость для россиян стали иметь проблемы, с которыми большинство из них сталкивается не столько на собственном жизненном опыте (за исключением роста цен), сколько в виртуальном пространстве, во многом формируемом повесткой дня СМИ. Выросла же в их глазах значимость проблем, которые отчасти являются результатом их собственного повседневного опыта (рост жилищно-коммунальных платежей, низкий уровень жизни значительной части населения, сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению), а отчасти – результатом смены повестки дня в СМИ (как, например, быстрое вымирание населения России).

Посмотрим теперь, как выглядят в восприятии россиян проблемы, из-за которых они считают свою собственную жизнь неустроенной (рис. 6).

Рисунок 6

Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной, %
(допускалось несколько ответов,
отранжировано в порядке убывания распространённости)

Как видно на рис. 6, *низкий уровень жизни является бесспорным лидером среди проблем, отравляющих жизнь россиян*. Более того, если рассмотреть только тех, кто считает, что в его жизни есть какие-то проблемы, то в большинстве случаев (51%) это будут именно проблемы, связанные с плохим материальным положением. В то же время, говоря о своём плохом материальном положении, большинство имеет в виду всё-таки не столько глубокую бедность, сколько малообеспеченность – лишь у 15% назвавших плохое материальное положение в числе причин неустроенности собственной жизни, ежемесячный среднедушевой доход в домохозяйствах составлял не более 4 500 рублей. Основная же часть (55%) этой группы имела доходы, по самооценке, от 4 500 до 9 000 рублей на человека в месяц, и еще 19% – от 9 000 до 13 500 рублей. Впрочем, среди последних относительно большой была доля тех, кто проживал в регионах с высокой стоимостью жизни, и прежде всего москвичей. Тем не менее, доход большинства членов даже этой группы позволял им питаться хотя бы удовлетворительно и решать проблемы с одеждой – лишь 13% в ней при 3% в группе, не считающей плохое материальное положение причиной неустроенности собственной жизни, оценили своё питание как плохое (доли охарактеризовавших своё питание как хорошее в этих двух группах составили, соответственно, 20% и 45%), а большинство и там, и там оценили его как удовлетворительное. И хотя показатели ситуации с одеждой и обувью были в группе считающих плохое материальное положение причиной неустроенности собственной жизни несколько хуже, но и они говорили о том, что в большинстве случаев мы имеем дело в данной группе скорее с малообеспеченностью, чем с глубокой бедностью. Во всяком случае, лишь 19% её представителей (при 5% в более благополучной группе) оценили свои возможности по приобретению необходимой им одежды и обуви как плохие, 9% (и 32% в более благополучной группе) как хорошие, а основная часть обеих групп оценила их как удовлетворительные.

Второе место в списке отравляющих жизнь россиян проблем занимает отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности. И плохое материальное положение, и сокращение доступа к бесплатной медицине – это именно те проблемы, которые, как мы показали выше, «прибавили в весе» за последние три года в списке процессов и явлений, характерных для сегодняшней России и вызывающих у россиян особую тревогу. При этом серьёзная обеспокоенность по поводу недоступности социальных гарантий тесно связана с озабоченностью незащищённостью от насилия – 37% тех, кто считает свою жизнь неустроенной из-за отсутствия социальных гарантий, в число ключевых проблем своей жизни включает и незащищенность от насилия.

Как и некоторые другие аспекты озабоченности россиян, значимость проблемы отсутствия социальных гарантий также имеет ярко выраженный региональный аспект, вновь заставляя говорить о сильной региональной дифференциации в удовлетворении базовых социальных потребностей и в приемлемости предлагаемых в разных регионах страны «правил игры». Худшие показатели по этой проблеме были в момент опроса в Ростовской области, где более половины опрошенных считали одной из ключевых причин неустроенности своей жизни именно отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности, хотя наибольшую по численности группу составляли регионы, где этот показатель находился в пределах 20%.

Далее по распространенности следует довольно большой блок текущих, повседневных проблем, каждая из которых «мешает жить» 18–20% россиян. Это проблемы, связанные со здоровьем респондентов или членов их семьи; проблемы, связанные с работой; отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы; проблемы с жильём и уже упоминавшаяся проблема незащищённости от насилия, также имеющая ярко выраженную «региональную окраску».

Все остальные проблемы набрали относительно небольшой процент голосов, хотя некоторые из них (например, алкоголизм и т. п. «вредные привычки» кого-либо из членов семьи) всё же нельзя не упомянуть отдельно. Как оказалось, единственный значимый для проблем с алкоголизмом и т. п. в семье объективный фактор – это возраст. Вопреки распространённому мнению, это скорее проблемы старших возрастов, и медиана возраста тех, кого алкоголизм и т. п. поведенческие особенности их близких заставляют считать свою жизнь неустроенной, на 6 лет выше, чем у тех, для кого эта проблема незначима (49 лет и 43 года соответственно). При этом если среди первых лишь 9% – это люди в возрасте до 30 лет, а почти половина их (44%) – старше 50 лет, то среди вторых эти показатели – 23% и 35% соответственно.

Рассмотрим теперь динамику восприятия россиянами тех проблем, которые мешают им нормально жить, за последние 10 лет (табл. 2).

Как видно из таблицы, изменения на 5 и более процентов за последние десять лет характеризуют лишь 4 позиции. По двум из них – плохое материальное положение и проблемы с одеждой и обувью – озабоченность россиян сократилась, а по двум – отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы и инвалидности, а также незащищённость от насилия – выросла. Таким образом, либо денег у россиян стало больше, либо они притерпелись к своему материальному положению, но в любом случае особых негативных изменений в области уровня жизни не фиксируется. А вот те факторы, которые негативно влияют на качество

жизни населения, в том числе и на его социально-психологическое состояние, явно демонстрируют рост своей значимости. И не случайно среди основных потерь, которые лично им принесли реформы последних десятилетий, почти четверть россиян назвали отсутствие социальной справедливости. Безусловным же лидером с показателем в 43% стала среди этих потерь утрата уверенности в завтрашнем дне. При этом весьма существенно, что эти сдвиги за последние 20 лет произошли в условиях, когда подросли новые поколения, социализировавшиеся в новых условиях. Тем не менее показатели значимости утраты лично для себя уверенности в завтрашнем дне за последние 10 лет практически не изменились, а значимость социальной справедливости среди потерь даже выросла – с 19% до 23% лично для себя и с 6% до 12% (т. е. вдвое) для общества.

Таблица 2

Проблемы, из-за которых россияне считали свою жизнь неустроенной, 2001 и 2011 гг., % (допускалось несколько ответов, отранжировано в порядке убывания распространённости)

Причины неудовлетворённости жизнью	2001	2011
Плохое материальное положение	44	38
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости, безработицы, инвалидности	23	31
Проблемы, связанные с их здоровьем или здоровьем других членов семьи	22	20
Проблемы, связанные с работой	16	20
Отсутствие возможности провести свой досуг, как хотелось бы	18	19
Проблемы с жильём	19	19
Незащищённость от насилия	13	18
Семейные проблемы	17	15
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	12	11
Проблемы, связанные с изменением их общественного положения в последние годы	8	8
Вредные привычки (алкоголизм, наркомания и т. п.) у кого-либо из членов семьи	6	7
Одиночество	6	5
Отсутствие возможности общения с родственниками и друзьями	4	4
Плохое питание	8	4
Отсутствие внимания со стороны других людей	3	4
Проблемы с одеждой или обувью	10	3
Считали, что живут нормально и не имеют особых проблем	24	26

Жирным шрифтом выделены позиции, по которым за последние 10 лет произошли изменения на 5 и более процентных пунктов.

Всё это свидетельствует о том, что усугубляющиеся проблемы россиян связаны сегодня, по их мнению, со сложившимся в России типом со-

циума, который кажется им неправильным, несправедливым, не обеспечивающим никаких гарантий на случай тяжелой жизненной ситуации и элементарной защищённости от разных форм насилия, причём во многом – за счёт коррумпированности чиновников, формально призванных решать их проблемы.

Однако действительно ли рост пессимизма и агрессивности россиян происходил из-за объективного ухудшения в последние годы той «институциональной матрицы», в которой им приходится жить, или же это всё-таки результат не вполне осознаваемых ими процессов ухудшения их материального положения, к которым они просто «притерпелись»? И как вообще живут сегодня россияне?

Начнём с уровня их ежемесячных доходов. Медианное значение ежемесячного душевого дохода составило для данного региона проживания, по самооценкам респондентов, 9 000 рублей, среднее – 10 415 рублей. Эти значения заметно возросли по сравнению с прошлыми годами – так, например, в 2010 г. медианное значение составляло 7 500 рублей, среднее – 8 954 рублей, а в 2001 г. эти показатели составляли 1 350 и 1 766 рублей соответственно. Однако за этими средними значениями скрывается высокая дифференциация доходов. Так, например, если в среднем по России по состоянию на начало 2011 г. величина прожиточного минимума составляла 5 902 рубля, то в нашем массиве оказалось 19% респондентов с уровнем дохода не выше 5 900 рублей. Впрочем, нужно учитывать, что в вопросе анкеты речь шла о субъективной самооценке респондентами своих доходов, которая, по данным социологических опросов, всегда оказывается ниже официальной статистики как минимум в полтора раза. Если же говорить о верхних 10%, то они имели доходы от 18 000 рублей в месяц на человека. Поскольку наиболее высокодоходные группы в состав выборки социологического исследования не попадают, максимальный среднедушевой доход, который имели наши респонденты и который характеризовал верхний процент распределения, находился в диапазоне 40 000–80 000 рублей.

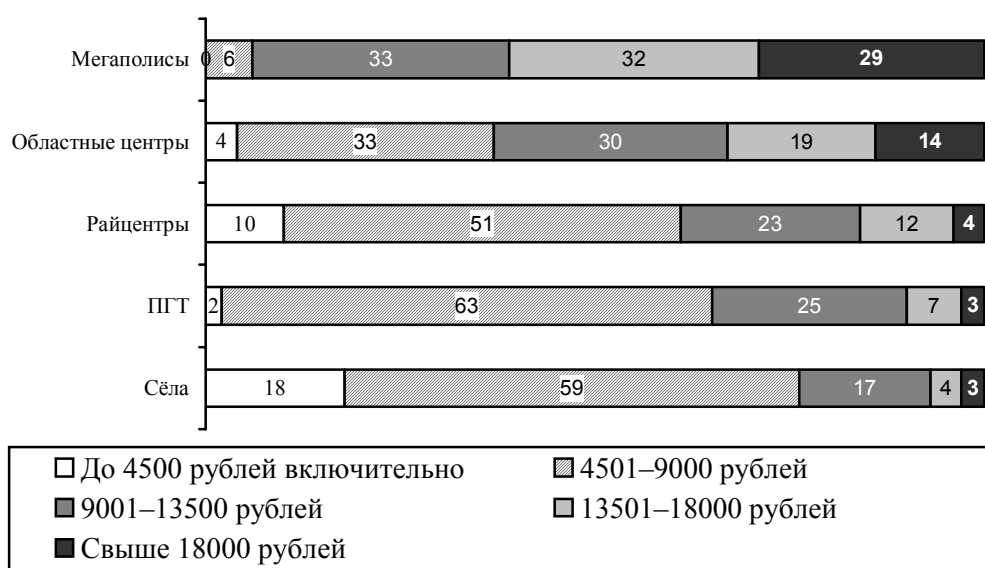
Картина доходов россиян будет выглядеть более точной, если рассмотреть распределение доходных групп по разным типам поселений, характеризующимся различной стоимостью жизни и разными её стандартами (рис. 7).

Как видим, различия в структуре доходного распределения в разных типах поселений весьма существенны, и медиана доходов, задающих определённый образ жизни локального сообщества, проходит в разных типах поселений на различных уровнях доходов. Весной 2011 г. для мега-

полисов это было 15 000 рублей, для областных центров – 10 000, для райцентров и поселков городского типа (ПГТ) – 8 000 рублей, а в сёлах – всего 7 000 рублей. Конечно, в данном случае не учитывается «добавка» от натурального (подсобного) хозяйства, но различия между разными типами поселений в этой области сейчас уже далеко не так значительны, как несколько десятилетий назад – в сёлах более половины жителей не имеют никакого подсобного хозяйства, и лишь 38% указали его в числе источников дохода своей семьи (при этом в массе своей они имели в виду именно доход в «натуральной», а не денежной форме). В то же время в областных центрах около четверти жителей имеют садово-огородные участки, и 19% всех жителей этого типа поселений указывают доход от подсобного хозяйства в числе основного для своей семьи.

Рисунок 7

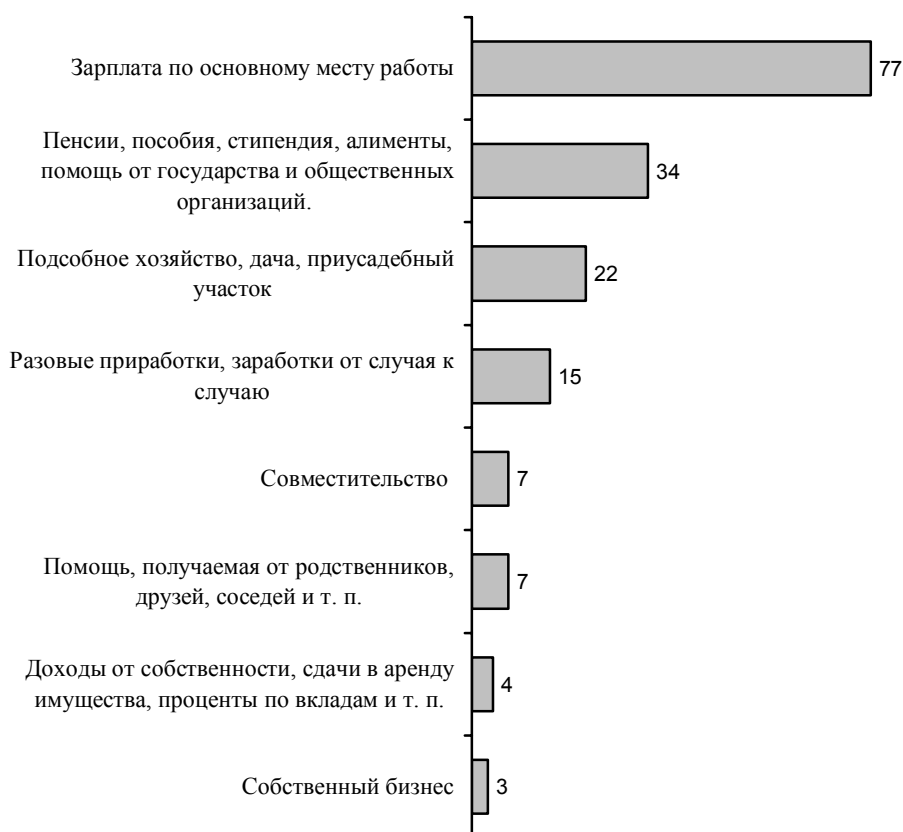
Самооценка уровня среднедушевых ежемесячных доходов жителями разных типов поселений, %

В этой связи уместен вопрос – а каковы же вообще основные источники дохода россиян в настоящее время? Как видно из рис. 8, для подавляющего большинства россиян (77%) основным источником доходов домохозяйств является работа. Значительна и доля тех, для кого основным источником дохода выступают пособия, пенсии и прочие трансфертные выплаты – таковых в настоящее время более трети (34%), при этом почти 60% этой группы не имеют в составе домохозяйств людей, получающих зарплату.

Рисунок 8

Основные источники дохода россиян, %
(допускалось несколько вариантов ответа)

Какие же возможности обеспечивает россиянам тот уровень доходов, который они имеют? (табл. 3).

Как видим, картина в плане самооценки населением различных сторон своей жизни складывается довольно противоречивая. С одной стороны, практически все аспекты жизни получают у россиян в настоящий момент больше положительных, чем отрицательных оценок. Негативные отзывы преобладают только в вопросе об общей материальной обеспеченности, возможности отдыха в период отпуска и уровне личной безопасности. В то же время наиболее распространёнными во всех сферах, кроме сферы семьи, остаются оценки «удовлетворительно», которые даёт более половины населения. Более того, по всем позициям, за исключением оценок ситуации в семье, картина за прошедший год ухудшилась. Это кажется тем более парадоксальным, что объективно 2010 г. можно охарактеризовать как вполне

успешный с точки зрения окончания наиболее острой фазы глобального экономического кризиса и роста доходов населения. Тем не менее не только оценки населением отдельных сфер жизни, но и своей жизни в целом за этот год ухудшились, а доля считающих, что жизнь у них складывается хорошо, в марте 2011 г. составляла менее 30%. Втрое выросла и разница положительных и отрицательных оценок россиянами своего материального положения, ухудшились также оценки ситуации с питанием и одеждой, что в условиях того роста номинальных доходов, о котором говорилось выше, выглядит прямо-таки противоестественно.

Таблица 3

Оценка россиянами различных аспектов своей жизни в 2011 г., %¹

Сферы жизни	Хорошо	Плохо	Разница	Справочно: разница в 2010 г.
Отношения в семье	55	4	51	48
Питаются	36	7	29	32
Место, регион, в котором Вы живёте	33	9	24	28
Ситуация на работе	25	11	14	18
Одевается	23	10	13	17
Состояние здоровья	24	13	11	17
Возможности проведения досуга	27	16	11	16
Ваше положение, статус в обществе	25	10	15	15
Возможность реализовать себя в профессии	24	20	4	9
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	22	19	3	9
Уровень Вашей личной безопасности	15	16	-1	* ²
Возможность отдыха в период отпуска	20	29	-9	* ³
Материально обеспечены	14	24	-10	-3
Жизнь в целом складывается	28	7	21	26

Одно из наиболее вероятных объяснений этого – *утрата россиянами надежд на то, что выход страны из кризиса принесёт с собой качественный перелом ситуации, повлекшая за собой и общий рост их неудовлетворённости*. Видимо, в начале кризиса россияне признали необходимость «затянуть пояса», но рассчитывали, что страна извлечёт из этого кризиса уроки на будущее или, хотя бы, что он коснётся всех в более-менее равной степени. Однако, *когда, по мнению населения, вся тяжесть кризиса оказа-*

¹ В анкете был также предусмотрен ответ «удовлетворительно», не приведенный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

² В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

³ В 2010 г. эта позиция в анкете отсутствовала.

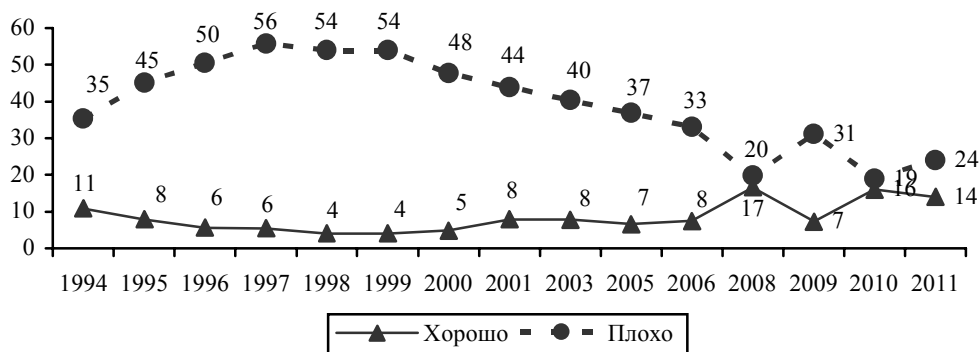
лась возложена на рядовых граждан, а из острой его фазы страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, то население реагировало на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью вопреки стабилизации своего материального положения, которое фиксируется как статистическими, так и социологическими методами. Россияне поняли или, по крайней мере, ощутили, что заявления власти о необходимости повышения эффективности российской экономики и преодоления последствий разразившегося кризиса предвещают масштабное долгосрочное снижение благополучия рядовых граждан. А поэтому падение их доходов (если не в абсолютной, то в относительной форме), произошедшее в период кризиса – это не временное явление.

Тревожным индикатором выступает и тот факт, что разница положительных и отрицательных оценок по таким аспектам жизни, как возможности реализовать себя в профессии или возможности получить образование и знания, резко (более чем вдвое) сократилась. А это как раз те области жизни, где роль уже упоминавшейся выше «институциональной матрицы» очень велика.

Посмотрим теперь, как изменялись ответы по некоторым позициям, описывающим уровень благосостояния россиян, в течение последних пятнадцати лет. Начнём с оценки ими своего материального положения (рис. 9).

Рисунок 9

Оценки своего материального положения как «хорошего» или «плохого», 1994–2011 гг., %¹

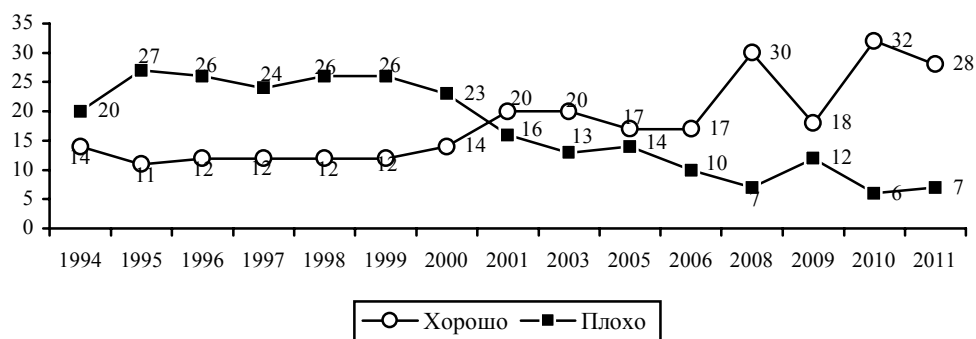
¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

Данные, приведённые на рис. 9, показывают, что негативные оценки россиянами своего уровня материального благосостояния за последний год заметно выросли. Одновременно шло сокращение оценок своего материального положения как хорошего. Те же тенденции, хотя и в более сглаженной форме, характеризуют и оценки качества своего питания и ситуации с одеждой: доля «хороших» оценок, хотя и гораздо менее явно, чем в отношении интегральной самооценки материального положения, в последний год упала, а отрицательных – осталась неизменной или даже чуть выросла.

Однако, *несмотря на негативную динамику последнего года, общие показатели удовлетворенности россиян своей жизнью продолжают сохраняться ещё на высоких уровнях* (рис. 10), превосходя даже «период надежд» начала 2000-х гг. и лишь ненамного уступая весне 2008 г. и периоду новых надежд, когда заканчивался, как тогда казалось, кризис весной 2010 г.

Рисунок 10

Как, по самооценкам россиян, в целом складывается их жизнь,
1994–2009 гг., %¹

Показатели удовлетворённости жизнью наиболее тесно связаны не только с оценками респондентами различных сторон своей жизни, но и с их оценками своего выигрыша/проигрыша от реформ и оценкой своего социального статуса в обществе. Считают себя выигравшими от проводимых в России с 1992 г. реформ только 10% населения; проигравшими – 26%; полагают, что они не выиграли и не проиграли, – 35%; и еще 29%

¹ В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%.

затруднились с ответом на данный вопрос (на 60% это люди, которым в момент реформ было менее 20 лет).

При всём том, что сами по себе эти показатели кажутся не очень благополучными (выигравшей от реформ себя считает лишь четверть россиян), рассмотренные в динамике они свидетельствуют о *медленном росте толерантности населения страны к проводившимся в последние два десятилетия реформам*. Так, если отвлечься от тех, кто затрудняется с ответом на данный вопрос или считает, что он не выиграл и не проиграл, то пятнадцать лет назад, в 1996 г., соотношение считавших себя проигравшими от реформ и выигравшими от них составляло 86:14. Десять лет назад, в 2001 г., оно выглядело уже как 76:24, а весной 2011 г. – как 72:28.

Массовое сознание и демократические институты и ценности.

Многие российские и зарубежные аналитики исходят из того, что перспективы эволюции России в направлении демократии представляются весьма неопределёнными.

Однако далеко не все такие оценки находят подтверждение в социальной реальности. В частности, не имеет ничего общего с действительностью весьма распространённое среди части экспертного сообщества мнение о полной несовместимости традиций, культуры, менталитета большинства россиян с ценностями демократии.

Как показывают настоящее и предыдущие исследования, ни в 90-х гг., ни сейчас российским обществом не подвергалась сомнению необходимость перехода от тоталитарной системы к демократическим формам и принципам правления. Спустя 25 лет после перестройки россияне признают важность и объективную предопределённость демократических преобразований, начатых М. Горбачевым, а также некоторых конкретных действий в этом направлении, осуществлённых в 80–90-е гг. Например, реабилитация жертв сталинских репрессий, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидация цензуры, демократизация выборов и т. п.

Ещё больше надежд с демократией связывали россияне. В начале 90-х гг. подавляющее большинство россиян видели в переходе к демократии надежду на лучшую жизнь. Дискредитированные в общественном мнении коммунистические ценности стали быстро замещаться демократическими. Это были скоро во многом идеалистические представления, действительность очень скоро разошлась с ними, вызвав у населения разочарование в отношении демократии. Причём, разочаровались россияне даже не столько в самой демократии, сколько в своём политическом выборе, сделанном в начале 90-х гг. Осуществление социально-

политического и экономического проекта, на реализацию которого общество предоставило карт-бланш Б. Ельцину, не оправдало ожиданий россиян, в результате негативное отношение к нему было перенесено и на демократические процедуры и институты, с помощью которых этот проект воплощался в жизнь. Именно поэтому общество довольно равнодушно восприняло откат 2000-х, когда даже те небольшие завоевания демократии, которые были достигнуты ранее, постепенно сворачивались.

В массовом сознании все последние годы происходила внешне мало заметная «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, в ходе которой ценности демократии и прав человека стали перемещаться на периферию общественного внимания и воспринимаются уже как ценности второго, третьего ряда, не настолько важные, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. В целом же, сформировавшееся у россиян представление о демократии можно охарактеризовать, как «благожелательный скептицизм», т.е. благожелательное отношение к самой идее демократии и крайне скептическое, а иногда и негативное к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т.п.). Число россиян, убеждённых в важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, за последние 10 лет сократилось с 51% до 44%, а также сохраняется высокий процент «неопределившихся» (36%).

Лишь около трети опрошенных (28%) назвали современную Россию демократической страной. Заметно больше тех (48%) кто так не считает, полагая, что наша страна сегодня так же далека от демократии, как и двадцать лет назад.

Характерно, что ситуацию с демократией совершенно по-разному оценивают респонденты разных материально-имущественных групп: у кого дела идут хорошо, у того и с демократией в России всё в порядке, и наоборот. Среди выигравших от либеральных реформ практически каждый второй назвал Россию демократической страной, в то время как среди тех, кто остался при «своих», – 34%, а кто проиграл – лишь 19%.

Не устраивает россиян в отечественной модели демократии прежде всего её *элитаристский характер*. Три четверти россиян убеждены: всё в нашей стране решают руководители и политики.

С этим связан резкий спад политической активности граждан и интереса к политике как таковой. Только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26% до 18%; а тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилась с 21% до 33%. Большинство же, как и раньше, по-

литикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события.

Было бы, однако, неправильным этот спад объяснять только лишь олигархизацией власти, сужением пространства публичной политики. На масштабах активности сказалось, например, то, что исчез «госзаказ» на участие. И большинство россиян стало действовать, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего «социального лифта», то жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т. п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и не участием.

Другая, не менее значимая причина недовольства состоит в *крайне низкой эффективности функционирования большинства демократических институтов*.

Возможно ли после того, что происходило в стране последние 10–15 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к её базовым ценностям и институтам, вновь вовлечь в общественную и политическую жизнь страны? Дать однозначный ответ на этот вопрос сегодня невозможно. Все исследования последних лет демонстрировали не только сравнительно низкий уровень политического участия, но и равнодушие многих россиян даже к тем возможностям, которые предоставляет Конституция РФ для борьбы не только за свои политические, но и экономические и социальные права и свободы. Есть, однако, симптомы, свидетельствующие о том, что общество постепенно «просыпается», всё новые группы и слои включаются в общественную жизнь. Во всяком случае, уровень востребованности инструментальных ценностей демократии заметно превосходит показатели десятилетней давности. Практически в два раза выросла доля респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6% до 14%), а также в забастовках (рост с 6% до 13%). Несколько поблёкла значимость в глазах населения института выборов; традиционно низкой остаётся роль политических партий.

Выборы всё чаще начинают восприниматься, особенно молодёжью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также много тех, кто в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неуча-

ствие, а не протестное голосование становится в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан.

Между тем, результаты нашего опроса свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе, чем это имеет место сейчас. На вопрос о том, «какие партии, на Ваш взгляд, должны быть представлены в следующей Государственной Думе?», довольно большое число респондентов, помимо «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», также назвали «Яблоко», «Патриотов России», «Партию народной свободы» (26%, 19%, 17%). «Правое дело» и «Другая Россия» особых симпатий у россиян пока не вызывают.

Однако, когда зашла речь об электоральном выборе, даже расширенное «политическое меню» не вызвало особого энтузиазма у респондентов. Треть опрошенных заявили, что не планируют участие в выборах, а электоральные предпочтения других опять распределились среди партий, представленных ныне в Государственной думе. Однако при анализе в «поселенческом» разрезе выявляется, что «Единая Россия» потеряла значительное число своих сторонников в мегаполисах. Так, в Москве и Санкт-Петербурге за неё готовы проголосовать лишь 20% опрошенных. Самый высокий уровень поддержки (36% и 42%) у «Единой России» в малых городах и на селе. То есть, эта партия постепенно становится «партией российской глубинки», какой в 1990-е гг. была КПРФ. Коммунисты, справедливоросы, напротив, несколько прибавили в столицах и крупных городах. Если же говорить о не представленных в парламенте партиях («Партия народной свободы», «Патриоты России», «Правое дело» и «Яблоко»), то их электорат практически целиком сконцентрирован также в Москве и Санкт-Петербурге. Причём, у пока ещё не существующей «Партии народной свободы» уровень поддержки чуть выше, чем у их соперников на либеральном фланге – «Яблока» и «Правого дела». Распределение голосов без учёта «абсентеистов» даёт примерно такую же картину, как и четыре года назад. Лишь поддержка «Единой России» выглядит чуть скромнее, а поддержка КПРФ – чуть весомее.

С учётом отмеченного, крайне важным представляется на всех этапах избирательных кампаний возвращение институту выборов его истинного смысла и значения. Прежде всего, в качестве одного из ключевых инструментов воздействия большинства населения на властвующее меньшинство.

В то же время «демократия участия» не может и не должна сводиться лишь к голосованию на выборах. В современном обществе так же необходимо нахождение новых стимулов и форм гражданской самооргани-

зации, «перезагрузка» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнёрства, профсоюзов, локальных сообществ и т. д.). Очевидный спад интереса большинства граждан к политике может и должен компенсироваться разнообразными формами общественной самодеятельности. Демократизация гражданского общества должна открывать путь в политику новым субъектам, предлагающим для обсуждения новые проблемы и ценности. Имеются в виду внешне не очень заметные, но, тем не менее, идущие достаточно интенсивно процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Особенностью России является то, что здесь как нигде широкое распространение получили движения «одного требования» (движения автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т. п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованны и эффективны).

Демократия участия предполагает также широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но дискутировать, чувствуя при этом приобщённость к делам страны, своего города, посёлка и т. п., могут и должны многие. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии в XXI в. будет более важен, чем институциональный. На этом фоне чрезвычайное значение имеет политика государства в отношении средств массовой информации.

В России все последние годы происходило «свёртывание» общего пространства публичной политики, дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни страны. Как следствие – площадкой для дискуссий всё чаще становятся не традиционные медиа, а интернет, социальные сети. Однако их охват, а главное – глубина анализа насущных проблем нашей жизни пока не могут сравниться с телевидением, радио, печатными изданиями. Россияне, судя по результатам настоящего исследования, хотели бы видеть отечественные СМИ свободными. Сторонниками цензуры (разной степени жёсткости) являются лишь 18%. Впрочем, 10 лет назад их было несколько меньше – 13%.

Неудачи социально-экономических реформ заметно снизили в глазах значительной части россиян привлекательность демократии и обусловили сложное, двойственное отношение россиян к ней. Между тем, опыт посткоммунистической трансформации свидетельствует, что, если демократические институты не воспринимаются обществом «инструментально», не востребуются людьми, то они постепенно увядают, превращаются в имитационные муляжи.

Сегодня общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди нач-

нут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В целом, оставаясь не включёнными в «большую» политику, не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне, тем не менее, демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действиям и самоорганизации. Начинают «просыпаться» молодёжь и средние слои населения. Можно с определённой долей уверенности констатировать, что эти группы и слои населения не только включатся в общественную и политическую жизнь, но и востребуют для реализации своих интересов демократические институты и процедуры.

Морально-нравственная ориентация.

У многих россиян складывается убеждение в полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, в том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядёт духовное перерождение, а точнее – вырождение России. Падение морали расценивается сегодня населением как одна из самых больших потерь, которые понесло российское общество за годы реформ. В «рейтинге потерь» эта позиция занимает второе-третье место, её отметили 32% респондентов. Причём, если острота восприятия низкого уровня жизни сограждан снизилась за последние 10 лет на 8%, то ощущение потери обществом морального стержня ослабло незначительно (на 3%). В 2000-х гг. моральное состояние общества стало главным «лидером» негативных перемен, обогнав такие негативные вехи этого периода, как кризис в социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре), ситуацию в сфере законности и правопорядка, межнациональные отношения, уровень жизни населения.

Однако падение морали в результате реформ воспринимается россиянами, прежде всего, как проблема общества в целом – но не их собственная. И в 2001 г., и в 2011 г. потерей лично для себя падение морали считают лишь 18–19% опрошенных (по сравнению с 32–35% указывающих на потерю морали, актуальную для общества в целом). Говоря о себе, гораздо более важными, нежели моральные перипетии, опрошенные считают утрату уверенности в завтрашнем дне, снижение уровня жизни большинства населения, утрату стабильности и чувства безопасности, разделение общества на богатых и бедных, отсутствие социальной справедливости и порядка в стране.

С одной стороны, такое перераспределение акцентов можно считать естественным. Если иметь в виду, что для каждого человека его собственная рубашка «ближе к телу», то нерешённые проблемы уровня жизни, безопасности, порядка и справедливости действительно могут быть в оценках происходящего более актуальными, нежели такие умозрительные

конструкции, как мораль и духовность. С другой стороны, можно предположить, что перемещение проблемы морали со второго на седьмое место при переходе от рейтинга «потерь для общества» к рейтингу «потерь для себя» свидетельствует о том, что люди не ощущают в своей повседневной жизни, в общении с окружающими их людьми существенного ухудшения морального климата. Или ощущают, но не как тотальную моральную деградацию и далеко не столь сильно, как собственную неуверенность в завтрашнем дне, снижение уровня жизни или утрату стабильности, чувства безопасности и социальной справедливости.

И ещё один тренд, незначительный по величине показателей, но важный по своей сути – за последние 10 лет снизилась острота восприятия россиянами падения морали как важной лично для них потери от реформ. Об этом свидетельствует перемещение позиции «падение морали» в рейтинге потерь «для себя» с 5–6-го на 7-е место. Изменение не очень большое, но оно явно противоречит тому, что моральное состояние общества чаще всего оценивается россиянами как сфера, где в последнее десятилетие происходило ухудшение ситуации.

Приведённые данные позволяют предположить, что отношение россиян к проблеме морали в современном обществе складывается в двух плоскостях. Применительно к тому, что происходит в обществе в целом – это выраженный критический настрой и пессимизм, ощущение моральной деградации, потери обществом духовности и морально-нравственной опоры. Применительно же к собственной жизни и ближайшему окружению восприятие ситуации заметно спокойнее, моральность собственная и ближнего круга как бы выводятся из-под негативного влияния реформ.

Исследования показывают, что россияне демонстрируют достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах. Они называют себя противниками большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными. В числе безусловных табу – употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей. Безусловными противниками этих действий называют себя более $\frac{3}{4}$ опрошенных (90%, 87% и 77%, соответственно). Уклонение от налогов и дача взятки также неприемлемы для большинства, хотя и не абсолютного – их осуждают 67% и 59% опрошенных, соответственно.

Но значительное число людей допускает лично для себя совершение действий, традиционно считающихся аморальными. Об этом свидетельствует отношение к сознательному обману других людей для достижения корыстных целей. Последовательных противников такого обмана среди опрошенных оказалось меньше половины (48%), тогда как 6% признались, что сами нередко к нему прибегают, 27% обманывают «редко», а

16% заявляют, что хотя сами они никого не обманывают, но не осуждают такого поведения со стороны других людей.

Наконец, курение и распитие крепких спиртных напитков в российском обществе практически выведены из сферы действия моральных ограничителей.

Отметим также, что и в отношении тех поступков и действий, которые не приемлемы для большинства населения, просматривается определённый релятивизм, проявляющийся в «разрешении» на подобные действия, «выдаваемом» респондентами другим людям. Так, 16% опрошенных проявляют терпимость в отношении дачи взяток, если это делают не они сами, а другие люди; 19% оправдывают таким образом уклонение от налогов, 14% не возражают против использования другими сексуальных связей для достижения корыстных целей.

Природа такой толерантной позиции в отношении других людей при внешне строгом отношении к собственному поведению может быть двоякой. С одной стороны, это проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. При этом их собственный моральный кодекс, как правило, совпадает с общепринятым. Для кого-то это – отражение действительной толерантности, для кого-то – позиция, демонстрирующая окружающим «широту» его взглядов, возможность казаться «современным», «продвинутым». С другой стороны, подобная демонстрация терпимости в отношении действий и поступков других людей может быть «хорошей миной», стремлением дать социально одобряемый ответ, прикрывающий «гибкость» собственных моральных ограничителей, особенно если это касается таких сфер, где традиционно сильна общественная мораль (например, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей) или где действуют нормы закона (уклонение от налогов, дача взятки).

Так или иначе, исследование показало, что наши сограждане стараются демонстрировать внешнему миру вполне достойный образ человека, придерживающегося традиционных норм и правил поведения, отрицая большинство традиционно осуждаемых действий, за исключением курения и употребления крепких спиртных напитков.

Данные ярко иллюстрируют спад той моральной (а точнее, аморальной) бравады, которая была популярна в первые годы реформ. Так, в 1997 г. почти 8% россиян заявляли интервьюерам в ходе опроса, что вступали (хотя бы редко, в единичных случаях) в гомосексуальные отношения, и ещё почти треть (30%) заявляли, что хотя сами этого не делают, но и в поведении других гомосексуализм не осуждают. По прошествии

14 лет открыто признавать свои сексуальные связи с людьми своего же пола отваживается лишь 1% опрошенных, и только 8% признают на это право других людей.

За последние 10 лет с 18% до 14% сократилась доля россиян, оправдывающих поведение других людей, которые используют сексуальные связи для достижения корыстных целей.

Судя по всему, волна сексуальной революции в российском обществе хотя и оставила заметный след, но всё же схлынула – для подавляющего большинства наших сограждан признание в отклонении собственного поведения от норм в этой сфере стало некомфортным. Да и признание права других людей на пренебрежение моральными нормами в сфере сексуальных отношений также теряет свою актуальность.

Динамика распространённости нормы, осуждающей уклонение от налогов, хотя и не столь впечатляющая, как динамика отношения к поступкам, связанным с сексуальной жизнью человека, но также весьма заметна. С 12% до 8% снизилась доля опрошенных, признающих, что они сами когда-либо уклонялись от налогов, с 33% до 19% снизилась доля тех, кто оправдывает уклонение от налогов со стороны других людей.

Несколько выбивается из этого тренда отношение россиян к даче взяток и сознательному обману в корыстных целях. После увеличения к 2001 г. доли респондентов, отрицающих такое поведение (с 46% до 65% в отношении взяток; с 34% до 54% в отношении обманов), в последующие 10 лет население вновь «расслабилось», спокойное отношение к взяткам и обманам, хотя и не стало столь же распространённым, как в 1997 г., но заметно более выраженным, чем в 2001 г. (рост суммарной доли тех, кто тем или иным образом признает взятки с 2001 по 2011 гг. – с 30% до 36%, признающих обманы – с 38% до 49%).

Распространённость моральных норм имеет свои особенности в различных группах и слоях населения. Для того чтобы прояснить эту групповую специфику, все респонденты были условно поделены на три группы в зависимости от того, как часто в оценке действий и поступков, которые принято считать аморальными, они выбирали позицию «я противник этого». Респонденты, для которых не приемлемыми оказались все шесть включённых в рассмотрение ситуаций¹, были отнесены к группе с «высоким моральным статусом»; неприятие 4–5 ситуаций определяло отнесе-

¹ При этом учитывалось отношение к шести видам действий и поступков: сознательному обману в корыстных целях, гомосексуализму, использованию сексуальных связей в корыстных целях, уклонению от налогов, даче взяток и употреблению наркотиков. Ещё две позиции – курение и употребление крепких спиртных напитков – из данного анализа были исключены в силу толерантного отношения к ним со стороны большинства населения.

ние опрошенных в группу со «средним моральным статусом»; неприятие трёх и менее ситуаций, традиционно воспринимаемых как аморальные, определяло отнесение респондентов в группу с «низким моральным статусом». В целом среди опрошенных россиян доля «высокоморальных» респондентов составила 31%; доля обладателей среднего статуса – 39%; доля людей с низким моральным статусом – 30%.

Как показало исследование, женщины отличаются заметно большей склонностью разделять общепринятые моральные нормы, нежели мужчины. Среди женщин более трети (37%) высказались однозначно против всех включённых в рассмотрение действий и поступков, тогда как среди мужчин – менее четверти (24%). Соответственно, среди мужчин гораздо чаще встречаются люди, «свободные от предрассудков», для которых большинство моральных ограничителей не имеют значения (34% по сравнению с 26% среди женщин).

Принято считать, что среди возрастных групп наиболее уязвимой в отношении морали и нравственности является молодежь, чей нравственный стержень ещё достаточно гибок и для которой существующая ныне социальная среда с её моральным релятивизмом естественна и органична. У многих вызывает сомнение, что нынешняя молодёжь способна воспринять те ценности и смыслы, которые несёт в себе старшее поколение, зреет ощущение, что межпоколенческий «транзит» морально-нравственных основ вот-вот прервётся, и с нынешних 18–20-летних начнется чуть ли не новая «порода» россиян, лишённых стыда и совести.

Такой взгляд на современную молодёжь и её «моральный облик» вполне объясним и во многом справедлив. Действительно, нынешние 18–25-летние россияне заметно отстают от старшего поколения по части включённости в морально-нравственный контекст жизни нашего общества, относясь ко многим вещам гораздо легче, без излишней рефлексии. Более трети (37%) их представителей можно смело отнести к группе людей с низким моральным статусом, тогда как приверженностью (хотя бы на словах) всем рассматриваемым нормам может похвастать лишь каждый четвертый представитель молодёжи (24%).

В то же время, по данным исследования, на одной ступени «морального взросления» с самой молодой возрастной когортой находится и «зрелая молодёжь» (26–30 лет), и поколение, перешагнувшее 30-летний рубеж (30–40 лет). И лишь с группы опрошенных 41–50 лет мы наблюдаем ожидаемое возрастание доли людей с высоким моральным статусом и снижение доли «моральных инфантов».

31–40-летние респонденты отличаются наиболее терпимым отношением к уклонению от налогов и даче взяток. Эти люди вступали в трудовую жизнь в конце 1990-х – начале 2000-х гг., в период процветания тене-

вых и неформальных отношений в российской экономике, активного уклонения и взяточничества. Усвоенные в этот период жизненные «уроки» оставили свой след в матрице моральных норм этой возрастной когорты, ослабив те моральные нормы, которые определяют характер взаимоотношения человека и государства, человека и закона, т. е. нормы гражданской морали.

Возвращаясь к вопросу о моральном статусе молодёжи в целом, подчеркнём, что моральное сознание молодёжи всегда представляет собой «лист», если и не белый, то, во всяком случае, с большими белыми пятнами. Это не феномен исключительно современной России, а обстоятельство, присущее любому обществу в любые времена. Постепенное усвоение человеком различных ценностей и установок, их закрепление с приобретением социального опыта – вещь совершенно естественная. Что же касается «особо устойчивой» моральной платформы представителей старшего поколения, то она покоится скорее на меньшей включённости в активную социальную жизнь с её соблазнами и испытаниями, нежели с существенно иными ценностными установками. У них реже возникает соблазн приобщиться к наркотикам, необходимость давать взятки, реже предоставляется возможность достигнуть целей посредством сексуальных связей и т. д. И в этом смысле их завышенные моральные планки в отрыве от многих сфер жизни, с которыми сталкиваются их молодые сограждане, – тоже своеобразный «моральный инфантилизм».

Следующий фактор, важный при анализе распространения моральных норм в современном российском обществе, – религия. Несмотря на то, что церковь не стала в России институтом, оказывающим существенное влияние на моральное самоопределение большинства населения, тем не менее, следует отметить наличие связи между отношением респондентов к религии и их моральным статусом. Первая особенность – заметное отставание атеистов от верующих людей в отношении к рассматриваемым моральным нормам. Если среди разных групп верующих доля опрошенных с высоким моральным статусом составляет 31–41%, то среди атеистов таких только 25%. Вторая особенность – выраженное лидерство по демонстрации приверженности моральным нормам среди респондентов – последователей ислама. Среди них высоким моральным статусом обладает 41%, тогда как среди последователей православия, других религий, а также верующих без принадлежности к какой-либо конфессии – только 31%.

Традиционно считается, что существенные различия в «моральном облике» людей во многом связаны с тем, где они живут – в крупных городах, мегаполисах или в провинции. Мегаполисы с их жёстким ритмом жизни и работы амбициями и притязаниями представляются жизненными

территориями, в которых человеку, стремящемуся достичь поставленных целей и не выпасть из «обоймы преуспевания», часто приходится переступать через общепринятые нормы и правила. Да и общественное мнение крупных городов в вопросах морали часто воспринимается как более «гибкое». Напротив, провинция, с её спокойным, размеренным темпом жизни, сравнительно скромными запросами, традиционностью и консерватизмом, имеет образ жизненной территории, где люди в первую очередь заботятся о спокойствии своей совести и душевном равновесии.

Несколько иные акценты в поселенческую карту распространения моральных норм в России вносит место взросления респондентов. Моральная планка людей, которые не просто живут в условиях городов-миллионников, но кто в них вырос и впитал их «ценностный дух» с малого детства, оказалась ещё ниже – всего 21% имеющих высокий моральный статус и 37% обладателей низкого морального статуса. Провинция же заметно более успешно выступает в роли воспитателя людей, придерживающихся всех общепринятых моральных норм.

Так или иначе, но в целом подтверждается мнение, что именно провинция, особенно «малая», является «кузницей моральных кадров» России, тогда как столицы чаще, чем другие поселения, воспитывают и привлекают к себе людей низкого «морального сорта».

В число факторов, определяющих степень распространённости моральных норм, входит и уровень образования. Чем он выше, тем чаще люди демонстрируют свою приверженность общепринятым моральным нормам. Причём различия в доле респондентов с высоким моральным статусом отмечаются между группами опрошенных, не получивших высшего образования, и тех, кто его имеет – независимо от того, гуманитарное это образование или техническое, естественно-научное, имеет человек одно высшее образование или два. Так, при отсутствии высшего образования доля опрошенных с высоким моральным статусом составляет 25–30%, а при его наличии – 34–35%. В то же время группа опрошенных с двумя высшими образованиями отличается большей долей моральных релятивистов (31% при 23–26% среди обладателей только одного высшего образования). По всей видимости, расширение кругозора сверх общепринятого провоцирует часть интеллектуалов относиться к общественной морали несколько «свысока», бравировать широтой взглядов как частью своей эксклюзивности.

Наконец, ещё один важный фактор формирования отношения людей к принятым в обществе моральным нормам связан с динамикой социального статуса людей в годы реформ. Успех, достижения человека сегодня нередко трактуются как производные от его готовности пренебречь ус-

тоями, действовать вне сложившейся морально-нравственной матрицы. В какой степени оправдан такой взгляд?

Воспользуемся ретроспективной динамикой социального статуса респондентов, данной ими самими в ходе проведённого исследования. Опрошенным предлагалось оценить, на какой ступени социальной лестницы (из 10 условных ступеней), по их мнению, они находились в начале реформ (1991–1992 гг.), в 2000–2001 гг. и на какой ступени они находятся сегодня. Выделим на основе сравнения данных на этих трёх лестницах группы опрошенных, которые поднялись, опустились или остались на той же ступени (а) в 1990-е; (б) в 2000-е гг. Каким моральным статусом обладают представители этих групп?

Среди сумевших подняться по социальной лестнице как на первом, так и на втором этапе реформ, доля людей с высоким моральным статусом самая низкая (24%). Среди переживших в эти периоды социальное падение, доля людей, демонстрирующих приверженность высокому моральному стандарту, заметно выше – 30% в группе тех, кто опустился по социальной лестнице в 1990-е гг., и 33% в группе переживших такое снижение в 2000-х гг. Казалось бы, налицо та самая зависимость – чем человек последовательнее в своих моральных принципах, тем труднее ему в жизни. И напротив, пренебрежение общепринятыми нормами способствует жизненному успеху. Однако эту логичную, на первый взгляд, картину, нарушают группы опрошенных, которые никуда не двигались по социальной лестнице, не пережив за рассматриваемые периоды ни взлетов, ни падений. Именно среди их представителей отмечается самая большая доля людей, находящихся в полном согласии с моралью и нравственностью (36–38%). И в этих же группах фиксируется наименьшее число тех, кто склонен к игнорированию общепринятых норм и правил (26–27% при 29–34% в группах социальных лидеров и аутсайдеров).

Таким образом, формула зависимости социального продвижения от морального статуса дополняется ещё одной важной переменной – социальной стабильностью, которая связана с высоким моральным статусом человека сильнее, нежели социальный успех или не успех.

И, тем не менее, зависимость успеха в жизни от приверженности моральным нормам или готовности ими пожертвовать, безусловно, существует. Во всяком случае, в умах наших сограждан. Более того, сравнение данных опросов 2003 и 2011 гг. позволяет констатировать укрепление этой позиции. Если в 2003 г. на жёсткость окружающего мира, вынуждающую иногда переступать через моральные принципы, ссылались 34% опрошенных, то к сегодняшнему дню их доля выросла до 43%. Одновременно с 65% до 56% сократилось число респондентов, которые готовы

соблюдать моральные принципы и нормы, даже если это грозит им жизненным неуспехом.

Одновременно с этим в обществе растёт доля людей, готовых активно бороться за свои права и интересы (с 57% до 68%), и снижается доля тех, кто предпочитает приспосабливаться к реальности, не тратя силы на борьбу с ней (с 41% до 31%). Усиливается понимание того, что человек является кузнецом своего счастья и жизненный успех и неудачи находятся в его руках (с 46% до 54%), и, напротив, ослабляется ранее преобладавшая точка зрения, согласно которой жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, нежели его собственными усилиями (с 53% до 45%).

Означает ли это наращивание российским обществом энергетического потенциала, стремления отдельных его членов к активному росту, продвижению, борьбе за свои интересы – очередную угрозу общественной морали?

Судя по данным исследования, поводов для подобного рода беспокойства нет. Среди опрошенных, демонстрирующих активную жизненную позицию, стремящихся к успеху и считающих, что за этот успех нужно бороться и достигать его собственными усилиями, – распространённость моральных норм практически такая же, как среди людей, ориентирующихся на приспособление к реальности и подчиняющихся внешним обстоятельствам. Более того, респонденты, уверенные, что за свои права и интересы следует активно бороться, даже в несколько большей степени привержены моральным нормам, нежели остальные. Среди них выше доля людей с высоким моральным статусом (32% при 29% среди остальных) и, напротив, ниже доля людей, игнорирующих общепринятые нормы (29% при 33% среди остальных).

Два минувших десятилетия стали серьёзным испытанием для россиян, заметно пошатнув их ценностные устои и нормы поведения. В условиях, когда государство фактически сложило с себя роль морального наставника, которую оно выполняло на протяжении жизни нескольких поколений россиян, а другие общественные институты, в том числе церковь, не смогли на себя эту роль принять, общество оказалось практически без «руля и ветрил». Трудности социально-экономической адаптации подтолкнули многих россиян к тому, чтобы освободиться от лишнего «морального груза», научиться обходить нормы, диктуемые им обществом и государством. Игнорирование традиционных моральных предписаний стало экономически и социально выгодным – продвижение по социальной лестнице заметно легче давалось людям, не обременённым моральными нормами.

Однако традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения по-прежнему актуальны для большинства наших сограждан. И та обеспокоенность состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую россияне сегодня демонстрируют – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане стоят на пути морального и нравственного выздоровления, остро чувствуют его необходимость. И лучшее тому подтверждение – возобновление межпоколенческого транзита моральных норм; пусть и незначительное, но моральное лидерство поколения 18–25-летних россиян на фоне старшей российской молодёжи и поколения 31–40-летних россиян, чья приверженность традиционным нормам, особенно в отношениях с государством, была заметно «остужена» в «лихие 90-е».

Перспективы развития страны в оценке россиян.

Ещё несколько лет назад, накануне экономического кризиса, перспективы развития страны в XXI в. для большей части россиян носили однозначно позитивный характер. Как социальная практика, так и исследования свидетельствовали, что Россия «нулевых» уверенно вышла на траекторию стабильного экономического и социального развития, а многие страхи, которые довели над страной 10–15 лет назад – опасения распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т.д., – остались в прошлом. Восьмилетний экономический рост обусловил также заметный рост доходов значительной части населения. Пик позитивных настроений пришёлся на лето 2008 г. Наши сограждане, причём как те, кто сумел преуспеть в жизни, так и те, кому это не удалось, поверили, что Россия – успешная страна, что политическая стабильность и экономический рост – это всерьёз и надолго. Даже у многих специалистов складывалось впечатление, что к концу правления В. Путина Россия вступила в новую «постпереходную» фазу. Постепенно стал формироваться новый запрос, теперь уже мало отличающийся от запроса граждан любой европейской страны – не только на удовлетворение первичных материальных потребностей, но и на новое качество жизни.

Однако разразившийся кризис, а также последовавшие за ним неблагоприятные события (резкий рост цен на продукты первой необходимости, на услуги ЖКХ; природные и техногенные катаклизмы; теракты; нестабильность в мире) заставляют общество более сдержанно и критично оценивать собственное настоящее и будущее.

Завершение острой фазы экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных парадигм, связанных с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытавших на себе

тяжести адаптации к переменам 90-х гг. Группы, на которые власть привыкла опираться в «нулевые» – значительная часть бюджетников, «низовой» бюрократии и т.п. – стали критичнее относиться к действиям властей, прежде всего, в Москве. Особенно резко отразилась новая социально-политическая ситуация на настроениях людей летом 2010 г., усугубленных жарой, смогом, подорожанием самых ходовых продуктов питания, бездействием или низкой эффективностью действий властей в условиях чрезвычайной ситуации. После событий в станице Кущевской резко возросло недовольство россиян деятельностью бюрократии и правоохранительных органов, а в столицах – неконтролируемым ростом миграции. В Москве и Санкт-Петербурге только за последний год было зафиксировано несколько достаточно массовых стычек на межнациональной почве.

В течение длительного времени столицы были «оазисом» стабильности и благополучия. Ещё два года назад 69% жителей столиц оценивали ситуацию в России в целом со знаком «плюс». Сегодня же – лишь 22%. Впервые за все годы наблюдений жители российской глубинки демонстрируют более оптимистичный взгляд на жизнь страны и своего региона, чем москвичи и петербуржцы. Есть основания считать, что напряжённость в столицах имеет более глубокие корни, чем просто недовольство экономическим и социальным положением в их городах. В настоящее время, в отличие от ситуации десятилетней давности, приоритетным для москвичей является уже не столько уровень, сколько качество жизни (ситуация на дорогах, экология, состояние социальной инфраструктуры и т. п.). Поэтому несмотря на очевидные достижения предыдущей администрации города в решении многих социальных проблем, уход Ю. Лужкова не вызвал протестов со стороны москвичей. То же самое можно сказать и о многих других регионах страны.

Не следует также забывать, что многие проблемы, обострившиеся в последнее время, не являются следствием кризиса 2008–2009 гг., а накапливались годами, если не десятилетиями. Особенно в социальной сфере, инфраструктура которой все последние годы медленно, но неуклонно разрушалась. **Становится всё более очевидным, что укрепление государственнической компоненты через построение «административной вертикали», интенсивное формирование «правлящего класса» в лице бюрократии, не смогли обеспечить новые импульсы развитию экономической и политической системы страны, напротив, привели к стагнации, снижению эффективности работы государственных органов на всех уровнях. Как следствие: приходит осознание необходимости перемен.** Ведётся проработка различных сценариев будущего. Причём каждая из крупных «групп влияния» стремится обзавестись собственной «моделью будущего», призванной обосновать её претензии на ве-

душую роль в принятии стратегических решений в преддверии президентских выборов 2012 г. Именно через призму борьбы этих групп и группировок во многом и следует рассматривать разворот дискуссии о том, что сегодня представляет собой Россия и каковы её перспективы.

Если говорить об обществе в целом, то настоящее исследование фиксирует разнонаправленные тенденции в отношении настоящего и будущего России. С одной стороны, большинство наших сограждан, несмотря на все катаклизмы 1990-х и 2000-х гг., считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен, и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Этой точки зрения придерживаются 60% опрошенных, хотя немало и тех (39%), кто убеждён, что путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик¹. Эти данные практически ничем не отличаются от аналогичных, полученных десять лет назад, в 2001 г.

Верят в правильность того пути, по которому идёт современная Россия, в большей степени молодые и относительно преуспевающие группы россиян. Так, в самой молодой из опрошенных групп (до 21 года) доля оптимистов составляет 65%, примерно на таком же уровне аналогичные показатели и в других молодых и средневозрастных группах – до 40 лет, после чего наблюдается постепенное снижение уровня оптимизма до 49% в самой старшей из опрошенных групп (более 60 лет). Среди представителей россиян с высоким социальным и материальным статусом доля оптимистов составляет 66%, а в группах с низким статусом – 52%. Жители мегалиполисов критичны не только в отношении настоящего, но и будущего России (рис. 11).

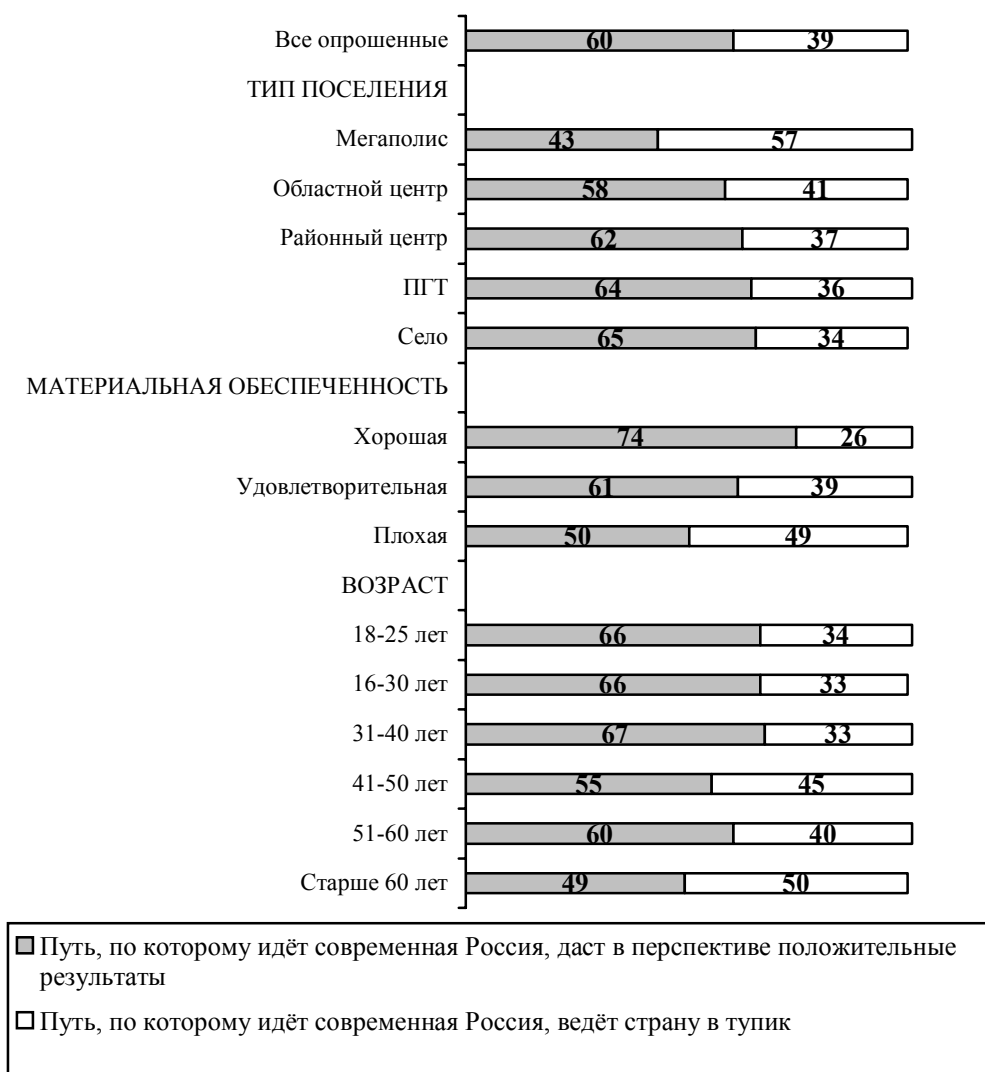
Уверенность россиян в позитивных перспективах развития страны обуславливает *стремление очень многих сохранить стабильность и если проводить какие-либо реформы, то исключительно осторожные и постепенные*. Настоящее исследование продемонстрировало, что, несмотря на рост числа тех, кто стремится к переменам, сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со слишком значительным перевесом. Их доля в общем объёме опрошенных составляет 57% при 42% тех, кто выступает за быстрые и кардинальные перемены. Численность сторонников перемен примерно одинакова во всех слоях российского общества – 40% в низшем слое, 42% – в среднем и 43% – в высшем, примерно соответствующем «среднему классу». Анализ возрастных групп показывает, что на перемены в значительно большей степени ориентируется молодёжь, особенно в возрасте до 21 года (54%). Можно в этой связи констатировать, что **постепенно главным «заказчиком» перемен становится молодёжь и некоторая активная часть среднего класса. Но пока это**

¹ Сумма цифр может быть меньше 100%, т.к. не учтены затруднявшиеся с ответом.

лишь некоторая слабо проявляющаяся тенденция. Тем не менее, как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены начинает овладевать умами людей, причём в молодых и активных группах, этот запрос, так или иначе, начинает пробивать себе дорогу.

Рисунок 11

Оценка нынешнего пути развития России, %¹

¹ Сумма цифр по каждой строке может быть менее 100%, т.к. не указаны затруднившиеся с ответом.

С другой стороны, сохраняя запрос на стабильность, значительная часть россиян ощущает потерю динамизма, который был присущ социально-экономическому развитию первой половины «нулевых». Так, 42% опрошенных полагают, что Российская Федерация и её экономика успешно развиваются, вследствие чего страна возвращается в число мировых экономически развитых держав. Несколько большее число опрошенных (54%) придерживаются диаметрально противоположного мнения, согласно которому перемены происходят в худшую сторону, а отставание России от ведущих стран постоянно возрастает. Оптимистический взгляд на место России в мире, как всегда, демонстрируют молодые и преуспевающие слои общества: 52–53% «оптимистов» среди высшего слоя по статусу и обеспеченности и лишь 31–35% среди малообеспеченной и пожилой части населения.

Причём россияне не склонны винить в экономическом (и не только экономическом) застое «внешние силы». *63% опрошенных полагают, что основные угрозы, с которыми приходится в настоящее время сталкиваться России, сфокусированы внутри неё самой.*

По-прежнему низкой, по мнению большинства опрошенных (72%), остаётся, как и в течение всего последнего десятилетия, общественная активность граждан, их участие в делах страны, своего города, села и т. п. Иной точки зрения придерживаются 27% россиян, по мнению которых общественно-политическая жизнь в стране становится более активной, общество постепенно «просыпается». Эти тенденции чаще отмечает молодёжь и младшие средние возраста (36% в группе 27–30 лет) и, напротив, практически не отмечает старшее поколение (18%). Действительно, в новых формах социальной активности, проявляющихся в последнее время – таких как экологические движения («Химкинский лес», «Архнадзор»), другие движения «одного требования» («синие ведерки», «обманутые дольщики») – активно участвуют в основном молодёжь и россияне среднего возраста, задействуя современные информационные технологии. Эти движения часто переплетены с молодёжной субкультурой. А как показывает недавний опыт революций на Ближнем Востоке и Севере Африки, при всей некорректности более детальных аналогий, именно активная молодёжь, даже не составляющая значительного большинства, способна стать катализатором настроений в пользу перемен (табл. 4).

В целом же можно констатировать, что **современное российское общество сегодня прибывает в некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего.** Это связано с тем, что, с одной стороны, сохраняется инерция, надежды на то, что всё само как-нибудь «рассосётся», надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. С другой, всё большее число людей понимает, что без серьёз-

ной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее «сытое» десятилетие, страна вряд ли сможет успешно двигаться вперед. Пока эта переоценка ощущается лишь в декларациях руководителей страны о необходимости модернизации экономики, иных сфер жизни общества. Каких-то практических действий в этом направлении явно недостаточно для преодоления застойных явлений.

Таблица 4

**Выбор в парах суждений
о различных аспектах современной жизни России, %**

I.	
Путь, по которому идёт современная Россия, даст в перспективе положительные результаты	60
Путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик	39
Затруднились ответить	1
II.	
Стране нужны быстрые, кардинальные реформы в социально-экономической сфере и политике	42
Страна нуждается в стабильности, реформах эволюционного характера	57
Затруднились ответить	1
III.	
Россия за последнее десятилетие развивается динамично, возвращается в число мировых экономически развитых держав	45
Россия в экономическом отношении всё сильнее отстаёт от ведущих мировых держав	54
Затруднились ответить	1
IV.	
Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	37
Основные угрозы для России находятся внутри страны	63
Затруднились ответить	0
V.	
Общественно-политическое участие граждан остаётся по-прежнему на низком уровне	72
Политическая жизнь в стране становится более активной, общество постепенно «просыпается»	27
Затруднились ответить	1

Рост напряжённости в обществе обусловлен и усилением конкуренции и противостояния внутри властных элит, связанных с предстоящими в 2012 г. президентскими выборами. Здесь главная интрига, безусловно, состоит в выборе кандидата от правящей элиты. Судя по результатам настоящего исследования, россияне пока ещё не сделали окончательного выбора. 24% полагают, что кандидатом в президенты должен выдвигаться

ныне действующий глава государства Д. Медведев, 32% – В. Путин, 13% хотели бы видеть кандидатом от «партии власти» кого-то третьего.

Результаты опроса свидетельствуют, что кандидатура Д. Медведева пользуется несколько большей поддержкой среди людей среднего достатка, среднего и предпенсионного возраста (31–40 и 51–60 лет). В. Путину в наибольшей степени симпатизируют самые молодые (18–25 лет) и хорошо обеспеченные россияне. Видеть кандидатом кого-то иного чаще хотели бы плохо обеспеченные россияне предпенсионного и пенсионного возраста.

Заметно больший разброс мнений по поводу кандидата от правящей элиты наблюдается среди политически активной части респондентов, сторонников различных идейно-политических течений. Либералы явно на стороне Д. Медведева (47% голосов за него и лишь 27% – за В. Путина). Коммунисты скорее поддержали бы какую-то иную кандидатуру. «Социалисты», «националисты» и «центристы» в большей степени симпатизируют В. Путину. Впрочем, идеологически мотивированная часть электората сравнительно невелика, поэтому *ценностные и мировоззренческие установки кандидатов в президенты вряд ли окажут заметное влияние на окончательный выбор большинства россиян*. Обращает на себя внимание и то, что во всех возрастных, социальных группах, а также среди сторонников различных идейно-политических течений очень высок процент неопределившихся (от четверти до трети). Это говорит о том, что значительная часть россиян пребывает в «задумчивости», а возможно и в ожидании появления каких-то новых ярких игроков на современной политической сцене России. **Половина опрошенных (51%) убеждены в том, что в России нет политиков и общественных деятелей, способных на равных бороться с властвующей элитой.**

Всё это, безусловно, не добавляет ясности в отношении перспектив развития страны. **23% опрошенных уверены, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно. 39% не разделяют подобного оптимизма**, они, напротив, ожидают наступления «трудных времен», а 38% считают, что ничего принципиально не изменится, всё будет примерно так же, как и сейчас.

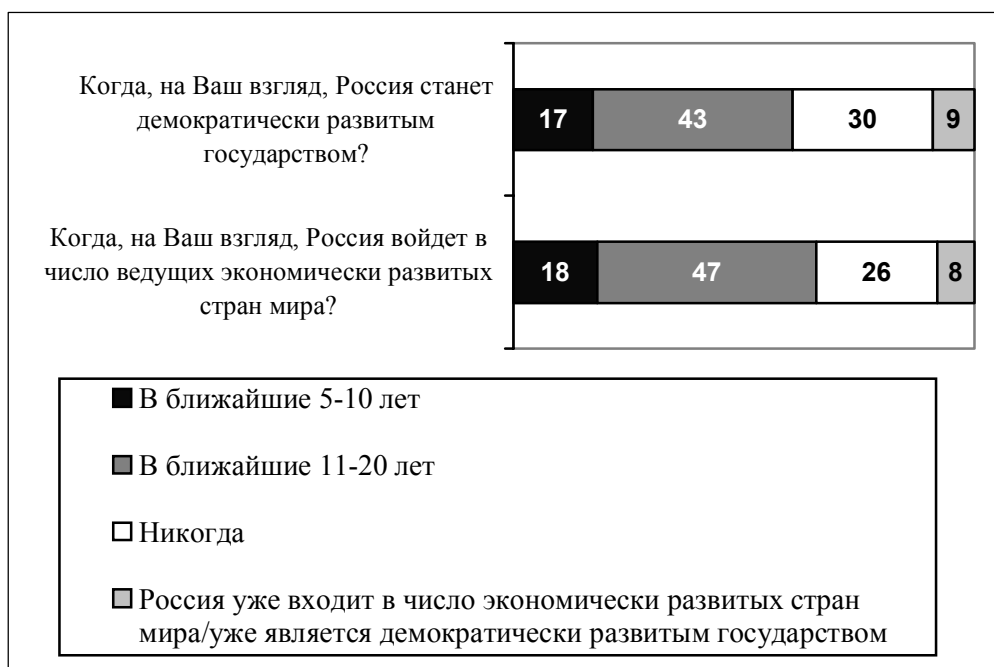
В предстоящий успех верят лишь 14% опрошенных, представляющих «социальный низ» общественной пирамиды, и 38% «верха» той же пирамиды. Старшее поколение россиян в своём большинстве (53%) ожидает наступления «трудных времён», а молодёжь разделилась на примерно равные группы – тех, кто ждёт лучшего, и тех, кто ожидает худшего.

На фоне замедления экономического развития России, стагнации большинства политических институтов постепенно отодвигаются горизонт будущего экономического процветания и формирование подлинного

демократического государства. Сказались и последствия кризиса. Уже к середине 2009 г. практически рассеялся миф о российском «экономическом чуде», и соответственно иссякли надежды на то, что в самое ближайшее время россияне смогут жить так же, как в ведущих странах Европы. Сегодня лишь 17–18% видят возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдёт в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной развитой демократии. 26–30% полагают, что этого не произойдёт вообще никогда. А, по мнению 43–47%, это если и произойдет, то не раньше чем через 11–20 лет. Впрочем, для России с её непредсказуемостью и низким временным горизонтом в массовом сознании, 20 лет – это очень большой срок (рис. 12).

Рисунок 12

Оценка перспектив экономического и демократического развития России,
%¹

Даже те группы населения, которые лучше других адаптированы к нынешним реалиям и поддерживают действия властей, весьма сдержаны в своих оценках настоящего и прогнозах на будущее. Имеются в виду

¹ Сумма цифр по каждой позиции может быть менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся с ответом.

респонденты, оценивающие своё материальное положение как «хорошее» и сторонники «Единой России». Даже среди них доля считающих Россию экономически развитой страной не превышает 8–10%, а доля оптимистов, уверенных, что наша страна в самое ближайшее время войдёт в клуб высокоразвитых держав, составляет 26–28%.

Впрочем, какой-то особой трагедии наши сограждане из этого не делают. Последнее двадцатилетие их многому научило и закалило. Сегодня в обществе практически не наблюдается алармистских настроений. Тот же последний кризис, в отличие от кризиса конца 90-х, был воспринят гораздо спокойнее: именно как кризис, а не катастрофа. Потеря былого могущества страны также оценивается без былых эмоций, как и признание её нынешних возможностей, экономического потенциала и места в мировой политике. Наконец, нельзя не признать и того, что среди значительного числа россиян, особенно молодых, широкое распространение получили «пофигистские» настроения, стремление жить лишь сегодняшним днём, фактически игнорируя всё, что происходит за пределами непосредственной среды обитания, особо не «парясь» по поводу будущего страны. А многие и вовсе готовы её покинуть, если возникнут угрозы или препятствия реализации их жизненных планов.

Таким образом, многое говорит о том, что **в своей оценке современного уровня развития и в образах будущего, сегодняшняя Россия стоит перед сменой парадигм и накануне возможной переоценки** многого из того, что казалось очевидным ещё несколько лет назад. **Но этот процесс только в самом начале.** Наряду с растущим осознанием многих негативных факторов, замедляющих или останавливающих динамику развития страны, остаются велики силы инерции, боязнь перемен, нежелание задумываться о будущем, даже не столь отдалённом.

* * *

Результаты данного социологического обследования далеко не однозначны. Однако главный вывод достаточно очевиден: в обществе преобладает стремление к кардинальным улучшениям, которые могли бы обеспечить большее благополучие людей, преодоление сложившихся пороков нынешней общественной системы, устойчивое позитивное развитие. Пока же у людей складывается впечатление, что улучшение материального положения, наблюдавшееся на протяжении большей части нулевых годов, прекратилось, и нет уверенности в его ощутимом возобновлении. Наряду с этим распространяется представление о неприемлемых масштабах социальной несправедливости и моральной деградации общества. Многие люди считают, что в стране нет общественных механизмов, позволяющих

побудить государство к радикальным действиям к исправлению ситуации. Тем самым назревает объективная необходимость в реальном пересмотре государством проводимой политики «стабилизации» и переходе к политике развития, предполагающей достаточно глубокие изменения общественной системы. Возможно, в предвыборный период политический прагматизм диктует политику «успокоения» общества, обтекаемых деклараций с признанием существующих «недостатков», расплывчатых обещаний «все исправить». Этим же прагматизмом диктуется одновременно игнорирование или подавление оппозиционных настроений. Однако в дальнейшем власть будет стоять перед жестким выбором политического курса, и обстановка будет требовать сделать этот выбор в пользу действенных мер по оздоровлению всей общественной системы.
